

*Научные труды Московского гуманитарного университета*  
10/2014

**НАУЧНЫЕ  
ТРУДЫ  
МОСКОВСКОГО  
ГУМАНИТАРНОГО  
УНИВЕРСИТЕТА**

**№10/2014**

Рецензируемый научный журнал  
Издается с 2002 года

**Издательство Московского гуманитарного университета**  
2014

ББК60  
НЗ4

ISSN 2307-5937

## **ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**

**Луков Валерий Андреевич**

## **РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**

**Ильинский Игорь Михайлович**, доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета — *председатель*

**Луков Валерий Андреевич**, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, проректор по научной и издательской работе, проректор по научной и издательской работе — директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета — *заместитель председателя*

**Журавлев Анатолий Лактионович**, член-корреспондент РАН, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии РАН, заведующий кафедрой социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета

**Ильинская Наталья Игоревна**, кандидат педагогических наук, проректор по инновационному развитию

**Ковалева Антонина Ивановна**, доктор социологических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующая кафедрой социологии Московского гуманитарного университета

**Королев Анатолий Акимович**, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры истории Московского гуманитарного университета

**Юдин Борис Григорьевич**, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, директор Центра биоэтики Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета

*Свидетельство о регистрации Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия ПИ №ФС77-21885 от 14 сентября 2005 г.*

## **РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**

### **Заместители главного редактора**

**Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна**, доктор философских наук, заместитель директора Института фундаментальных и прикладных исследований

**Ручкин Борис Александрович**, доктор исторических наук, профессор, директор Центра исторических исследований Института фундаментальных и прикладных исследований

### **Ответственные секретари**

**Макаров Владимир Сергеевич**, кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом электронного образования, заместитель директора Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований

**Мацуев Алексей Никитович**, кандидат исторических наук, заместитель начальника Управления аспирантуры, докторантуры и научной работы

### **Члены редакционной коллегии**

**Алексеев Сергей Викторович**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории

**Бородай Александр Дмитриевич**, доктор исторических наук, профессор, декан факультета рекламы

**Буренко Владимир Иванович**, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и политологии

**Захаров Николай Владимирович**, доктор философии (PhD), кандидат филологических наук, помощник ректора, директор Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований

**Костина Анна Владимировна**, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, декан факультета культуры и искусства, заведующий кафедрой философии, культурологии и политологии

**Коханая Ольга Евгеньевна**, доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой журналистики

**Крылова Елена Борисовна**, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансовых и экономических дисциплин

**Лунева Ольга Викторовна**, кандидат психологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой социальной и этнической психологии

**Олейник Юрий Николаевич**, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей психологии и истории психологии

**Путрик Юрий Степанович**, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-культурного сервиса и туризма

**Романюк Лариса Валерьевна**, доктор педагогических наук, профессор, начальник Управления аспирантуры, докторантуры и научной работы

**Селиверстова Нина Анатольевна**, доктор социологических наук, профессор, ученый секретарь Ученого совета, заместитель заведующего кафедрой социологии

**Ситаров Вячеслав Алексеевич**, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и психологии высшей школы

**Соколова Екатерина Светославовна**, кандидат психологических наук, доцент, декан факультета психологии и социальной работы

**Сошникова Тамара Аркадьевна**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права

**Суслова Елена Ивановна**, кандидат экономических наук, доцент, декан юридического факультета

**Трунцевский Юрий Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин

**Успенская Инна Николаевна**, кандидат экономических наук, доцент, декан факультета экономики и управления

**Хорина Галина Петровна**, доктор философских наук, профессор, декан факультета международных отношений и туризма

**Царегородцев Юрий Николаевич**, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента

**НАУЧНАЯ ШКОЛА МОСКОВСКОГО ГУМАНИТАРНОГО  
УНИВЕРСИТЕТА ПО СОЦИОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ:  
КОНЦЕПЦИИ И ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ**

*Вал. А. Луков*

**The School of Thought in Sociological Sciences  
at Moscow University for the Humanities:  
Conceptions and Studies of Youth**

*Val. A. Lukov*

*Аннотация.* В статье представлены основные характеристики научной школы Московского гуманитарного университета по социологическим наукам, известной прежде всего исследованиями молодежи, молодежного движения и молодежной политики. Охарактеризованы гуманистическая концепция молодежи, концепция социализационной нормы, тезаурусная концепция молодежи и другие концептуальные основания исследований, проводимых в Московском гуманитарном университете.

*Ключевые слова:* социология, молодежь, научная школа Московского гуманитарного университета по социологическим наукам, молодежная политика, биосоциология молодежи, тезаурусный подход.

*Abstract.* The article presents the main characteristics of the school of thought in the field of sociology at Moscow University for the Humanities, known primarily because of its studies of young people, youth movements and youth policy. The author characterizes the humanistic conception of youth, the conception of socializational norms, the thesaurus conception of youth and other conceptual foundations of research conducted at Moscow University for the Humanities.

*Keywords:* sociology, youth, school of thought in the field of sociology at Moscow University for the Humanities, youth policy, biosociology of youth, thesaurus approach.

***Введение***

В настоящей статье мы ставим целью обозначить основные направления развития научной школы Московского гуманитарного университета по социологическим наукам в той части, которая относится к разработке концепции молодежи, молодежной политики, социализации и проведению исследований по молодежной проблематике. Этот ракурс описания научной школы выбран не

случайно: именно в изучении молодежной проблематики проявились отличительные черты данного объединения ученых, именно в этой сфере научного знания научная школа признана в научном сообществе.

Научная школа по социологическим наукам Московского гуманитарного университета основывается на длительном развитии научного сообщества социологов, сложившегося в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ в начале 1970-х годов и составлявшего ядро Научно-исследовательского центра ВКШ при ЦК ВЛКСМ (создан в 1976 г.) и разветвленной системы исследований проблем молодежи, координатором которой в масштабах страны был НИЦ<sup>1</sup>. Вклад НИЦ, его ведущих ученых во главе с директором Центра И. М. Ильинским в развитие социологических теорий молодежи, молодежного движения и выдвигание оригинальной теоретической концепции государственной молодежной политики в период работы над проектом Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» (1986–1991)<sup>2</sup> признается в России и за рубежом и осмысливается как фундамент одной из ведущих научных школ социологии молодежи. Эти оценки относятся не только к советскому периоду, они характеризуют научную школу МосГУ и ее представителей и в новейших энциклопедических изданиях и библиографических справочниках<sup>3</sup>.

С середины 1990-х годов важную роль в развитии научной школы по социологическим наукам МосГУ (тогда — Института молодежи, в 2000–2003 гг. — Московская гуманитарно-социальная академия) начала играть кафедра социологии, куда перешли работать ведущие ученые НИЦ. С этого времени усиливается внимание ученых университета к различным аспектам социальной структуры, институциональным изменениям (и особенно к процессу институционализации новых социальных практик), социокультурной проблематике, процессам в сфере социального управления (особенно к социально-проектной, социально-инновационной деятельности).

### ***Основные концепции в области молодежных исследований***

Научная школа МосГУ по социологическим наукам в основном связывается сегодня с разработкой теории социализации, социологии молодежной политики, социологии детства, теоретическими основами социального и социокультурного проектирования, социальной инноватики, социальной экспертизы и др. Хотя социологическая тематика, разрабатываемая в МосГУ, в период его

---

<sup>1</sup> Обстоятельная характеристика этого этапа становления научной школы по социологическим наукам МосГУ дана И. М. Ильинским (Ильинский, 2009а).

<sup>2</sup> Документы собраны в издании: «Закон о молодежи: Документы и материалы по истории становления государственной молодежной политики в России» (Закон о молодежи..., 2008).

<sup>3</sup> См. статью о школе социологии молодежи МосГУ в энциклопедическом издании «Социология молодежи. Энциклопедический словарь» (Социология молодежи, 2008: 280–282). См. также статьи о социологах, работающих в МосГУ, в библиографическом справочнике «Социологи России: История социологии в лицах» (Социологи России..., 2014).

становления в статусе университета значительно расширилась, в основных исследованиях доминанта молодежной проблематики не только сохранилась, но и приобрела новые черты как в теоретико-методологическом, так и в эмпирически-прикладном аспектах. Это во многом связано с появлением фундаментальных трудов И. М. Ильинского, А. И. Ковалевой, Вал. А. Лукова. Существенно также и то, что в университете (и его предшественниках) были подготовлены и защищены преподавателями кафедры социологии 10 докторских диссертаций по социологическим наукам (Д. Л. Агранат, М. В. Вдовина, Е. А. Гришина, В. Л. Добраев, А. И. Ковалева, И. А. Полуэхтова, Н. А. Селиверстова, И. А. Сурина, Б. Ф. Усманов, С. Н. Щеглова).

В теоретико-методологическом плане научная школа выдвинула следующие *основные концепции*, на которых строится исследовательская практика и подготовка новых поколений исследователей-социологов в Московском гуманитарном университете:

**1. Гуманистическая концепция молодежи.** Сформирована И. М. Ильинским в 1980–2010-е годы. Центральные положения концепции *изложены* им в обобщающем труде по итогам его почти тридцатилетних исследований «Молодежь и молодежная политика» (Ильинский, 2001: 108–120).

Концепция включает восемь базовых положений:

(1) Молодежь — это *объективное общественное явление*, выступающее всегда как большая специфическая возрастная подгруппа. Ключом к познанию природы молодежи является диалектика целого и части («молодежь — часть общества; молодежь — часть общества»). Специфические, обусловленные возрастом проблемы молодежи в любом обществе состоят в том, что (а) молодость тесно связана с идеей зависимости; (б) большая часть молодежи (учащиеся, студенты и т. п.) еще не включена в процесс производства и потому «живет в кредит»; (в) большинство молодых людей не обладает *личной самостоятельностью* в принятии решений, касающихся их жизни; (г) перед молодыми людьми стоит *проблема выбора сферы трудовой деятельности, выбора профессии*; (д) молодые люди решают проблему нравственного и духовного *самоопределения*; (е) они решают проблему брачного выбора и деторождения.

(2) Молодежь по природе двойственна: она — явление *биологическое и социальное*, что определяет связь ее психофизического и социального развития.

(3) Молодежь — явление *конкретно-историческое*. Это означает, что «число определений молодежи может быть равно числу конкретных обществ, каждое из которых выводится из общего определения молодежи и в то же время служит базой для конкретизации этого определения».

(4) Молодежь — это *носитель* огромного *интеллектуального* потенциала, особых способностей *к творчеству*.

(5) Молодежь одновременно *объект и субъект социализации*, что определяет ее социальный статус.

(6) Молодежь обретает *субъектность* по мере самоидентификации, самосознания своих интересов, роста своей организованности.

(7) Молодежь — носитель процессов, которые развернутся в полную мощь в будущем.

(8) Молодежь — объект комплексных, междисциплинарных исследований, которые только в своей совокупности могут дать достаточно достоверную картину о ней.

Таким образом, в центр своей концепции И. М. Ильинский поставил идею *субъектности молодежи*. Проблема, показывает он, в том, что мир решительно меняется, идут процессы, которые не могут быть в достаточной мере осмыслены и тем более взяты под контроль старшим поколением. В этих условиях вопрос состоит не в том, чтобы поделиться субъектностью с молодежью, но опереться на субъектность молодежи, чтобы вытянуть целое — все общество, его настоящее и будущее. Это концептуальное переосмысление роли молодежи и молодежного движения в новых социальных и культурных условиях. Так понимаемая молодежная проблематика ставится И. М. Ильинским в контекст глобальных мировых проблем.

**2. Концепция воспитания жизнеспособных поколений.** Выдвинута И. М. Ильинским в 1995 г. Жизнеспособность нового поколения, по Ильинскому, — ответ на социальный распад общества, утратившего ориентиры и стимулы к сохранению и развитию своих духовных оснований: «Жизнеспособность — это способность человека (поколения) выжить, не деградируя, в «жестких» и ухудшающихся условиях социальной и природной среды, развиться и духовно возвыситься, воспроизвести и воспитать потомство, не менее жизнеспособное в биологическом и социальном планах» (Молодежь России., 1995: 224). Отсюда проистекает задача жизнеспособной личности — стать индивидуальностью, сформировать свои смысложизненные установки, самоутвердиться, реализовать свои задатки и творческие возможности, преобразуя при этом в своих интересах среду обитания, не разрушая и не уничтожая ее, утверждает И. М. Ильинский. Но это значит, что необходима высокая социальная активность личности и поколения, их готовность взять на себя ответственность за будущее общества.

**3. Концепция молодежной политики.** Разработана И. М. Ильинским в 1986–1991 гг. и впоследствии развита в ряде его трудов и выступлений. Молодежная политика им определена как «способ регулирования межпоколенческих отношений, управления процессом преемственности поколений и, стало быть, развития общества» (Ильинский, 2001: 579). Такой взгляд на молодежную политику был реализован в целой серии нормативных правовых актов, проекты которых готовились в НИЦ. В работе «Молодежь как будущее России в категориях войны» И. М. Ильинский подчеркивает: «Молодежная политика — это центральное звено политики национальной безопасности, берущей начало в настоящем и обращенной — от поколения к поколению — в далекое будущее» (Ильинский, 2005: 17). Концептуальная идея молодежной политики — государственной и общественной — этими новыми дополнениями обретает особую актуальность для нашего времени.



Многолетний опыт работы И. М. Ильинского и его коллег над концепцией молодежи и молодежной политики показывает, что работа эта не может проходить лишь в чисто академической манере и оцениваться по правилам построения научных теорий. Только в соединении с насущными задачами самореализации человека в его лучших свойствах и чертах, только в связи с осознанными действиями общества по сохранению себя в новых поколениях, восхождению через молодых к более высоким уровням социального развития имеет смысл разрабатывать теории молодежи и основные направления молодежной политики<sup>1</sup>.

**4. Концепция образовательной революции.** Представлена И. М. Ильинским в 2002 г. в одноименной книге и развита им в последующих работах по социологии образования (Ильинский, 2002, 2004, 2010а, 2011). Ведущими в концепции становятся утверждение о том, что конечная цель образования — понимание и тезис об особой роли высшей школы в разрешении кризиса понимания, сформировавшегося в современную эпоху. По Ильинскому, развитие мышления до стадии понимания — это задача главным образом высшей школы. Выпускник высшей школы должен обрести в ходе обучения мыслящий рассудок, понимание происходящего в своей стране и в мире, а также способность разумно осмысливать действительность в будущем, постигать смыслы событий и явлений. В концептуальном плане это означает замену общепринятой формулы образовательной деятельности «знания-умения-навыки» на формулу «знание-понимание-умение» — т. н. формула Ильинского, как ее называют в научной литературе (Гуманитарное знание..., 2006), — где центральный элемент связывается с пониманием, что и становится базовым основанием для оценки реформы институциональных конструкций образовательной системы. Обобщенное обоснование формулы «знание-понимание-умение» дано автором в статье, посвященной 10-летию одноименного научного журнала, издаваемого в МосГУ (Ильинский, 2014).

**5. Концепция социализационной нормы.** Разработана в 1997 г. А. И. Ковалевой. Социализационная норма определяется ею, во-первых, как результат успешной социализации, позволяющей индивидам воспроизводить социальные связи, общественные отношения и культурные ценности данного общества и обеспечивать их дальнейшее развитие; во-вторых, как многомерный эталон социализированности человека с учетом его возрастных и индивидуально-психологических характеристик; в-третьих, как устоявшуюся в обществе совокупность правил передачи социальных норм и культурных ценностей от поколения к поколению (Ковалева, 1997: 7–8). Социализационная норма выступает мерой социализированности индивида в соответствии с характеристиками социальности данного общества. Хотя социализационная норма тесно связана с нормой социальной, она не должна сводиться к последней. «Суть различия состоит в назначении той и другой нормы: для социальной нормы таким назначением является регуляция поведения индивида и группы, для социализационной — регуля-

---

<sup>1</sup> См. подробнее в нашем аналитическом обзоре (Луков, 2013b).

ция вместе с освоением нормы (адаптация к ней и ее интериоризация индивидом, как основного свойства, как *differentia specifica*). Цель регуляции — передача социальной нормы. Субъектно-объектная сторона регулирования определяется отношениями «передающий-усваивающий» («учитель-ученик»)» (там же: 18). Выделение социализационной нормы продуктивно для исследования детей и молодежи, поскольку именно она (а не общая социальная норма) выстраивает каркас социального статуса человека в период детства и юности. Вероятно, социализационная норма действует и на следующих возрастных этапах, но ее значение там ограничено и ориентирующее значение и для личности, и для общества имеет преимущественно социальная норма. Столь же значима концепция социализационной нормы для более точной трактовки социального статуса молодых людей с ограниченными возможностями (имеющими отклонения в физическом и умственном развитии, неслышащими и др.), что убедительно показали исследования, проведенные под руководством и с участием А. И. Ковалевой (Ковалева, Реут, 2001; Жулковска, Ковалева, Луков, 2003; Ковалева, 2006). В результате, например, удалось выявить ранее не осознававшиеся противоречия в социальном положении молодых людей с инвалидностью и в адресованных им образовательных программах.

**6. Концепция социализационной траектории.** Концепция сформулирована и обоснована А. И. Ковалевой в работах 1999 г. и последующих годов. Социализационная траектория, по Ковалевой, представляет собой специфическую для конкретного человека совокупность характеристик направленности, хода и результативности процесса его социализации. Социализационная траектория в таком случае выступает интегральным показателем характера социализации. Траекторная модель социализации индивида показывается А. И. Ковалевой в нескольких срезах — (1) влияние внешней среды, (2) субъектность и (3) диспозиция личности в процессе социализации. «Алгоритм построения социализационной траектории основывается не на статических состояниях, а на динамике процесса социализации с учетом пройденного индивидом этапа жизненного пути, причем основные характеристики измеряются во временном континууме» (Ковалева, Луков, 1999: 277). Основная публикация по данной теме — книга А. И. Ковалевой и В. В. Богдановой (защитившей под ее руководством кандидатскую диссертацию по этой проблематике) «Траектория социализации» (Ковалева, Богданова, 2012).

Работы А. И. Ковалевой позволили внести существенный вклад в развитие теории социализации в ее собственно социологическом аспекте. Это нашло отражение в ряде публикаций последнего времени (Ковалева, 2006а, 2007, 2011, 2012; Ковалева, Луков, 2012)<sup>1</sup>.

**7. Тезаурусный подход к социальным и культурным явлениям.** Как общеметодологическая концепция применительно к гуманитарным наукам разработана в 1992–2013 гг. Вал. А. Луковым и Вл. А. Луковым и в наиболее полном виде

---

<sup>1</sup> Обстоятельные обзоры см. (Луков, Жулковска, 2013; Зубарев, 2014).

опубликована в монографиях «Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания» и «Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира» (Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2008, 2013). Тезаурусная методология применена при обосновании оригинальных теоретических концепций молодежи, социализации, социального проектирования (в том числе в работах докторантов и аспирантов МосГУ Д. Л. Аграната, М. В. Вдовиной, И. Г. Биченко, В. В. Воробьева, А. В. Доскальчука, А. В. Лукова, С. В. Лукова, Ю. Е. Надточия, А. Г. Русановой, А. А. Ситникова, Д. А. Тихомирова, М. Я. Курганской, Э. К. Погорского, В. А. Лапшина, С. С. Шугальского и др.).

Молодежь в рамках тезаурусной концепции трактуется как социальная группа, которую составляют (1) люди, осваивающие и присваивающие социальную субъектность, имеющие социальный статус молодых и являющиеся по самоидентификации молодыми, а также (2) распространенные в этой социальной группе тезаурусы и (3) выражающий и отражающий их символический и предметный мир (Луков, 2012с: 317). Тезаурусная концепция молодежи позволяет прояснить пути развития социальной субъектности молодежи и обнаружить ее противоречивые черты как в опредмеченной деятельности, так и в фактах самосознания, выполняющих важную регулятивную функцию.

Развитие тезаурусной концепции молодежи повлекло за собой разработку целого ряда фундаментальных категорий гуманитарных наук. Такова, в частности, категория *социализации*, в отношении которой выстроена следующая теоретическая гипотеза: (1) индивидуальные тезаурусы строятся в рамках социализационного процесса из элементов тезаурусных конструкций; (2) в обществе сосуществуют несколько тезаурусных конструкций с разной степенью актуальности (т. е. степенью распространенности, нормативности, формализации); соответственно, и на индивидуальном уровне возможно сосуществование нескольких тезаурусов и выстраивание тезауруса с подвижной иерархией элементов; (3) актуальность, актуализация и утеря актуальности тех или иных тезаурусных конструкций детерминированы объективными социальными процессами и субъективным определением ситуации (на различных уровнях социальной организации); (4) социализационные практики обеспечивают передачу и актуальных, и неактуальных тезаурусных конструкций, из которых строятся тезаурусы (Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2013: 514–515). Тезаурусный подход к социализации позволяет преодолеть некоторые противоречия социализационных теорий, он исходит из материалистического представления о социализации как процессе, имеющем своим основанием сложившиеся в обществе типы образа жизни. В то же время социализация в каждый данный исторический момент не является зависимой только от наличных условий бытия, от присущих данной эпохе образцов поведения и мышления и т. д. Кроме синхронии, есть еще и диахрония тезаурусных конструкций, и те или иные структуры могут переноситься сквозь века не непосредственно через каналы преемственности и смены поколений, но через сохранение, ретрансляцию и возрождение социокультурных кодов в их материализованной форме, иначе говоря — в текстах.

В области *социального проектирования* тезаурусный подход применен для обоснования субъектно-ориентированной концепции, согласно которой «социальное проектирование — это конструирование индивидом, группой или организацией действия, направленного на достижение социально значимой цели и локализованного по месту, времени и ресурсам» (Луков, 2004: 7). Этот подход к социальному проектированию признан в социологическом сообществе как один из ведущих (Тезаурус социологии, 2009: 409).

На базе обозначенных основных концепций, а также других концептуальных разработок и идей, выдвинутых и обоснованных профессорско-преподавательским и научно-исследовательским составом МосГУ в области социологических наук, проведены исследования с широким применением как количественных, так и качественных методов, сформированы новые образовательные комплексы в таких новых областях социологического знания, как *социальная ювенология, гендерология, социология рекламной деятельности, социокультурное проектирование, социальная инноватика* и др. Везде в таких исследованиях заметен молодежный аспект, составляющий специфику развития данной научной школы.

### *Некоторые результаты эмпирических исследований*

**Социология высшего образования.** В 2006–2014 гг. это направление исследований определялось противоречивыми процессами модернизации высшего образования в России на фоне стремительного развития интеграции европейских стран в организации образовательной деятельности. Глубокий анализ происходящих процессов и обобщающие выводы сделаны И. М. Ильинским в ряде статей, опубликованных в научных журналах, и прежде всего в научном журнале МосГУ «Знание. Понимание. Умение» (Ильинский, 2010b, 2010c, 2010d, 2012, 2013a, 2013b), а также в книгах «Образование Молодежь. Человек» (Ильинский, 2006, 2009b) «Играющий триумвират: образование, политика, право» (Ильинский, 2010a).

Значительные результаты на данном направлении связаны с организацией ежегодных международных научных конференций «Высшее образование для XXI века», проводимых в МосГУ с 2004 г. (инициатор и председатель оргкомитета И. М. Ильинский). Конференции выступают как финальный этап исследовательской работы в течение года, включающей оригинальные научные разработки, эмпирические исследования, проведение промежуточных дискуссий по актуальным темам высшего образования и т. д. На конференциях в докладах И. М. Ильинского изложены базовые положения его концепции образовательной революции, проведен обстоятельный анализ новейших явлений в образовательной сфере. На конференциях представлены также обобщения по материалам социологических исследований, проводимых в МосГУ по проблемам высшего образования. В рамках конференции работает постоянная секция «Социо-

логия высшего образования» (соруководитель секции А. И. Ковалева, ученый секретарь Н. А. Селиверстова).

Научная работа ИФПИ, кафедры социологии и других подразделений, ведущих социологические исследования, сконцентрирована на достижении большей результативности проектов, направленных на осмысление внутренних процессов в Московском гуманитарном университете. В этой связи эмпирические исследования проводятся на регулярной основе в студенческой среде и среди аспирантов. Так, в 2006–2009 гг. продолжалось обобщение результатов мониторинга «*Российский вуз глазами студентов*» (мониторинг осуществлялся с 2000 г. под научным руководством И. М. Ильинского, с 2004 г. — на базе ИФПИ, руководители проекта Вал. А. Луков, В. А. Гневашева), соответствующие материалы были представлены в публикациях и на научных конференциях (Луков, Гневашева, 2009). Собранные эмпирические данные были также подвергнуты специальной математической обработке, что позволило И. Г. Биченко в кандидатской диссертации сделать статистически обоснованный вывод о том, что большинство студентов, несмотря на аномию, имеющую место в современном российском обществе, обладают устойчивым во времени и пространстве ценностным ядром, в которые входят ценности здоровья, семьи и взаимной любви (Биченко, 2009).

Мониторинг показал, что альтруистические и честолюбивые устремления характеризуют группы студентов с противостоящими ценностными системами, первая из которых ориентирована на ценности социальной солидарности, для второй характерны эгоистические установки. Мотивацию к получению высшего образования определяют три группы, характеризующие мотивационные комплексы, побуждающие к обучению в вузе в условиях социальной аномии: представляющая большинство студентов группа ориентированных на работу, определяющая обучение в вузе средством на пути к исполнению профессиональных ожиданий; значительно меньшая по объему группа ориентированных на знания, для которой обучение является самоценным; малочисленная группа не ориентированных на обучение, для которой получение высшего образования мотивировано такими факторами, как нежелание служить в армии, родительским давлением и др. выявлено, что материальная обеспеченность, являясь доминирующей ценностной ориентацией студентов и определяющая мотивации к профессиональной и учебной деятельности, крайне слабо осознана студентами и представляет абстрактный предмет стремления вне зависимости от их материального положения в данный момент.

Проблемы культурного уровня современных российских студентов нашли отражение в монографии Н. А. Селиверстовой и Н. Д. Юмашевой, построенной как обобщение эмпирических данных о читательских интересах студентов (Селиверстова, Юмашева, 2009). Чтение студентов рассмотрено с точки зрения теории и практики культурного воспроизводства. Особое внимание уделено сочетанию количественных и качественных методов исследования чтения в молодежной

среде как наиболее актуального фактора развития московского и всего российского книжного дела.

**Социология молодежи, молодежного движения, молодежной политики.**

По данной тематике в рамках научной школы МосГУ по социологическим наукам продолжалось как осмысление новейших процессов в молодежной среде и молодежной политике, так и теоретическое обобщение молодежной проблематики на междисциплинарной основе. В осмыслении проблем молодежи и молодежной политики продолжала использоваться форма диссертационных исследований, и в 2006–2010 гг. диссертационным советом по социологическим наукам при МосГУ были рассмотрены 2 докторских (Д. Л. Агранат, М. В. Вдовина) и 18 кандидатских диссертаций, раскрывавших эту проблематику (диссертации А. А. Алексеева, О. Б. Белых, Е. В. Беляевой, И. Г. Биченко, В. В. Богдановой, И. В. Воробьевой, И. В. Глазунова, А. Г. Головой, Т. В. Жуковой, Ч. И. Ильдархановой, А. В. Лукова, О. О. Намлинской, Т. П. Путьяиной, О. А. Рожнова, А. Г. Русановой, А. В. Сафаряна, Д. А. Тихомирова, Н. Д. Юмашевой). А это значит, что более половины из защищенных за это время в МосГУ диссертаций по социологическим наукам посвящены молодежной проблематике.

Научные результаты были получены по ряду проектов, поддержанных российскими научными фондами. Так, в рамках экспедиционного исследования «Социально-экономическая эффективность молодежной политики в условиях многополярного мира» (руководитель проекта — В. А. Гневашева) был проведен опрос студенческой молодежи в городах РФ согласно заявленной географии исследования. Объем выборки составил 2000 человек (выборка многоступенчатая, репрезентативная). Кроме того, был проведен экспертный опрос (экспертами выступили представители системы государственной власти разного уровня, общественные деятели и ученые, занимающиеся вопросами молодежной политики, а также представители молодежных организаций как Москвы, так и регионов). Целью исследования было выявление степени идентификации молодого поколения в возрасте 17–25 лет с государством как системой формирования правового поля и основой для развития гражданского общества. По итогам обработки полученных данных с использованием методов комплексного социологического и математического анализа были выявлены критерии оценки социально-экономической значимости проводимой молодежной политики и определены основные тенденции дальнейшего развития молодежной политики в России.

При поддержке РГНФ был осуществлен проект по созданию Информационно-исследовательской базы данных «Социология молодежи» (руководитель проекта — В. А. Гневашева). В базе данных фиксируются научные результаты эмпирических исследований Центра социологии молодежи Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, которые, среди прочего, позволяют студентам, аспирантам, изучающим социологию, активно осваивать исследовательскую теорию и практику. Для исследователей проблем молодежи база данных имеет как информационное значение, так и значение коммуникационного средства для взаимодействия с международными сообществами уче-

ных-молодежников. База данных была представлена на Международном социологическом конгрессе (Готенбург, Швеция, июль 2010), по итогам подготовки базы данных был подготовлен для публикаций.

Поддержанное РГНФ исследование «Социальная и национальная идентификация российской молодежи в условиях формирования многополярного мира: динамика с 1993 г.» (руководитель проекта — В. А. Гневашева) предусматривало систематизацию теоретических положений и эмпирических данных по тематике исследования, сравнительный анализ основных тематизмов изучаемого направления в отечественной и западной социологии, составление классификатора и др. По материалам исследования подготовлен комплексный отчет на основе эмпирических исследований, осуществленных Центром социологии молодежи ИФПИ за период 2001–2008 гг., проведен очередной этап мониторинга в российских вузах, эти данные сопоставлены с эмпирическими базами исследований, проведенных другими исследовательскими и общественными организациями по схожей тематике в России и за рубежом. Руководитель проекта принял участие в международных конференциях с докладами по теме исследования (Греция, Голландия, Испания, Швеция).

Ряд эмпирических исследований, проведенных кафедрой социологии, носили прикладной характер. Таковы, в частности, проведенные в 2007 г. два этапа социологического исследования «Чтение классической литературы студентами московских вузов» (руководитель Н. А. Селиверстова), маркетинговое исследование по заказу ОАО «Молодая гвардия» «Учет потребительского поведения москвичей в возрасте 15–40 лет на книжном рынке в деятельности ОАО «Молодая гвардия» (руководитель А. И. Ковалева) и др.

**Исследования социализации.** Продолжены работы по развитию научной школы социализации. Интерес представляют, в частности, результаты исследования социализации, проведенного Д. Л. Агранатом (Агранат, 2009а, 2009б, 2010). Новизна предпринятого исследования по проблемам нормы и отклонения социализации личности в военизированных организациях, среди прочего, состоит в выявлении особенностей, которыми характеризуются условия социализации личности в военизированной организации, а именно: нормы поведения, которые индивиды должны освоить в процессе социализации, представлены в виде императивных социальных эталонов поведения; набор таких императивных социальных эталонов поведения формализован и ограничен; процесс социализации в военизированной организации цикличен, циклы имеют однородную структуру и четкие формализованные границы: временные, статусные, символические. В свете этого определена специфика социализационной нормы в военизированной организации, которая заключается в следующем: (1) социализационная норма является императивным социальным регулятором передачи социального опыта новым поколениям; (2) социализационные нормы регулируют отношения участников военизированной организации во всех сферах их социального взаимодействия; (3) социализационные нормы предельно формализованы; (4) социализационная норма фиксирует эталон социализиро-

ванности личности, обязательно учитываемый при решении вопросов повышения в статусе (звании, должности и т. п.). Показано также, что военизированная организация в своих институциональных атрибутах навязывает личности тезаурусные конструкции, набор которых ограничен и сориентирован на всеобщее применение в рамках данной организации. Выявлено, что результат социализационного процесса в военизированной организации в значительной мере обусловлен ее институциональным противоречием с гражданским обществом. Степень освоения личностью императивных эталонов определена уровнем ее готовности к освоению таких эталонов и сроком ее функционирования (службы) в условиях военизированной организации.

В других исследованиях социализации, проведенных под научным руководством А. И. Ковалевой, обоснована трактовка ценностных ориентаций, выявляющая неоднородность влияния общесистемных воздействий, к каковым относится социальная аномия, на элементы ценностной системы. Показано, что на социализацию современного российского студенчества воздействуют несколько дестабилизирующих факторов: а) аномия российского общества в целом, б) аномия, естественная для молодежи в силу возраста и возникающая в ходе вторичной социализации, в) аномия, свойственная высшему образованию как институту социализации в силу характера общественной потребности, обеспечиваемой им (создание и воспроизводство условий для социальной и профессиональной мобильности в краткие сроки). Сформулирован единый методологический аппарат для эмпирического изучения молодежи на основе применения тезаурусного подхода с использованием понятия «модель тезауруса». Разработан подход, который с помощью математической формализации предоставляет возможность переложения данных анкетного опроса во множество моделей тезаурусов для их последующего сравнительного и структурного анализа (Богданова, 2009).

М. В. Вдовиной разработана концепция функциональных изменений межпоколенческого конфликта в российской семье, в рамках которой определены структура, динамика, функции, дисфункции и модели регулирования конфликта. Обоснован функционально-динамический подход к межпоколенческому конфликту в семье. Установлено, что межпоколенческий конфликт претерпевает изменения как в направлении усиления функций, так и в направлении возрастания дисфункций. Доказано, что межпоколенческий конфликт в семье представляет собой многоуровневый социальный процесс. На социетально-институциональном уровне закладываются противоречия между поколениями, на межличностно-групповом — происходит их проявление в виде конфликтного взаимодействия. На каждом уровне возможны изменения конфликта, в том числе регулируемые (Вдовина, 2008, 2009, 2010).

Эмпирические данные о динамике социализационных процессов в студенческой среде получены в социологических исследованиях «Российский вуз глазами студентов» (мониторинг под научным руководством И. М. Ильинского, руководителя этапов Вал. А. Луков, В. А. Гневашева), ежегодных исследованиях, проводимых кафедрой социологии в режиме учебной практики как исследо-



вание ценностных ориентаций студентов «Молодежь–2006», «Молодежь–2007» и т. д., исследованиях «Студент МосГУ» ИФПИ и кафедры социологии среди студентов МосГУ, проводившихся по технологии лонгитюда в 2005–2008 гг. и (новый этап) в 2010 г., а также ежегодных исследованиях (2004–2014 гг.) «Первокурсник Московского гуманитарного университета» и «Учебно-воспитательный процесс в оценках студентов Московского гуманитарного университета» (руководители всех этих исследований А. И. Ковалева, Вал. А. Луков).

К этой группе исследований примыкают работы, выполненные в ИФПИ по научному проекту, поддержанному грантом Президента РФ для молодых ученых. Проект (руководитель С. В. Луков, участники работы сотрудники ИФПИ Б. Н. Гайдин, В. А. Гневашева, К. Н. Кислицын, Э. К. Погорский) направлен на выявление проблем взаимодействия организационных культур в сфере высшего гуманитарного образования (Луков С. В., 2009а, 2009б). Интегральный результат исследования представлен в коллективной монографии, в которой на основе теоретико-методологической работы в рамках научной школы тезаурусного подхода Московского гуманитарного университета, изучения около 300 литературных источников и проведенных эмпирических исследований (опрошено 155 участников совместных образовательных программ, проживающих в Москве, Санкт-Петербурге, Петрозаводске, Перми, Екатеринбурге, а также в Германии, Польше, Финляндии, Франции) сделаны обобщения о сущности диалога организационных культур и его приемлемости для целей создания общеевропейского пространства высшего образования; наиболее сложных для решения проблем вхождения России в Болонский процесс; возможностях преодоления этих проблем при разработке и осуществлении российскими вузами совместных образовательных программ с вузами других европейских стран (Диалог..., 2010).

### ***Новые направления исследований***

В 2012–2014 гг. развитие научной школы связано с освоением междисциплинарных исследований на нескольких направлениях.

В изучении ценностных ориентаций молодежи активно развиваются исследования исторического сознания новых поколений, что стало составной частью крупного научного проекта «Демифологизация истории России», проводимом в МосГУ под научным руководством И. М. Ильинского. Соответствующими тематическими блоками насыщены новые инструментарии эмпирических исследований, проводимых среди студентов как в МосГУ, так и в других российских вузах.

В осмыслении теорий молодежи, фундаментальное обобщение которых сделано в этот же период на базе изучения более 1000 книг, статей, исследований по проблемам молодежи (Луков, 2012с), и в аргументации тезаурусной концепции молодежи также наметились кардинальные изменения. Один из новых путей исследования связан с обобщением перспектив государственной мо-

лодежной политики в части, выражающей ее направленность на развитие инновационного потенциала молодежи (Луков Вал. А., Луков С. В., Погорский Э. К., 2012; Государственная молодежная политика..., 2013). Другой путь — формирование теоретической концепции биосоциологии молодежи, нашедшей отражение в ряде публикаций (Луков, 2012а, 2012б, 2013) и получившей первые признания в научном сообществе. Третий путь — разворачивание на базе тезаурусной методологии исследований интернет-коммуникаций молодежи в аспекте проявления в них «картин мира», присущих современному молодому поколению (Погорский, 2012; Луков, Погорский, 2014), а также использования этих исследований для персонализации образовательного контента, учета «картин мира» и мотивации учащихся в учебном процессе.

### *Заключение*

Сложившаяся еще в советское время научная школа МосГУ по социологическим наукам наиболее известна научному сообществу исследовательскими работами в области молодежной проблематики. Все другие области социологического знания, представленные в работах социологов МосГУ, в конечном счете связаны с этой доминантой научной школы. Ее наиболее значимые достижения непосредственно или опосредованно связаны с гуманистической концепцией молодежи И. М. Ильинского, охватывающей также концептуальные основы молодежной политики.

На новом этапе развития для научной школы МосГУ в области социологических наук плодотворными стали идеи, сформировавшиеся в рамках методологических сращений, включая и методологию тезаурусного подхода, дающего ориентиры для исследования таких вопросов социологии молодежи, как социализационная норма, социальная субъектность молодежи, инновационность новых поколений, биосоциология молодежи. Вероятно, в этих направлениях можно ожидать от научной школы МосГУ новых концептуальных решений и эмпирических исследований.

### *СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ*

Агранат, Д. Л. (2009а) Особенности социализации личности в условиях военизированной организации, вытекающие из институционального конфликта // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 75–81.

Агранат, Д. Л. (2009б) Социализация личности в военизированных организациях : монография М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 168 с.

Агранат, Д. Л. (2010) Социализация личности в военизированных организациях: проблемы нормы и отклонения : монография. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 228 с.

Биченко, И. Г. (2009) Ценностные ориентации студентов российских вузов в условиях социальной аномии : дис. ... канд. социол. наук. М. 18 с.

Богданова, В. В. (2009) Социализационные траектории студенческой молодежи: состояние, направленность, основные тенденции : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М. 18 с.

Вдовина, М. В. (2008) Функциональные изменения межпоколенческого конфликта в российской семье : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М. 35 с.

Вдовина, М. В. (2009) Возможности регулирования конфликта в семье // Знание. Понимание. Умение. №4. С. 70–74.

Вдовина М. В. Функциональные изменения межпоколенческого конфликта в семье : монография. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. 273 с.

Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений (2013): науч. монография [Электронный ресурс] / под общ. ред. Вал. А. Лукова. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 718 с. URL: <http://hdirussia.ru/assets/files/Books/State-Youth-Policy.pdf> (дата обращения: 1.09.2014).

Гуманитарное знание: перспективы развития в XXI веке (2006). М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 680 с.

Диалог организационных культур в создании общеевропейского пространства высшего образования (2010) : Реализация принципов Болонского процесса в международных образовательных программах с участием России : монография / С. В. Луков (рук.), Б. Н. Гайдин, В. А. Гневашева и др. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 260 с.

Жулковска, Т., Ковалева, А. И., Луков, Вал. А. (2003) «Ненормальные» в обществе: Социализация людей с ограниченными интеллектуальными возможностями. Москва ; Щецин : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 432 с.

Закон о молодежи : Документы и материалы по истории становления государственной молодежной политики в России (2008) : в 2 т. / сост. и авт. вступ. ст. И. М. Ильинский, Вал. А. Луков. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. Т. 1. 543 с. Т. 2. 556 с.

Зубарев, Д. Ю. (2014) Молодежь в исследованиях научной школы социологии молодежи Московского гуманитарного университета [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». № 2 (март — апрель). URL: [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/2/Zubarev\\_Youth-Sociology-School-Thought/](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/2/Zubarev_Youth-Sociology-School-Thought/) [архивировано в WebCite] (дата обращения: 1.09.2014).

Ильинский, И. М. (2001) Молодежь и молодежная политика. М. : Голос. 694 с.

Ильинский, И. М. (2002) Образовательная революция. М. : Изд-во Моск. гуманит.-социальн. академии. 592 с.

Ильинский, И. М. (2004) Негосударственные вузы России: опыт самоидентификации. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 350 с.

Ильинский, И. М. (2005) Молодежь как будущее России в категориях войны // Знание. Понимание. Умение. №3. С. 5–17.

Ильинский, И. М. (2006) Образование. Молодежь. Человек: (статьи, интервью, выступления). М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 560 с.

Ильинский, И. М. (2009а) Беседы об истории Московского гуманитарного университета. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 328 с.

Ильинский, И. М. (2009б) Образование. Молодежь. Человек: (статьи, интервью, выступления). Кн. 2. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 530 с.

Ильинский, И. М. (2010а) Играющий триумvirат: образование, политика, право. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 134 с.

Ильинский, И. М. (2010б) Куда идем, родимое образование?.. (беглые заметки по поводу законопроекта «Об образовании в Российской Федерации») // Знание. Понимание. Умение. №3. С. 3–26.

Ильинский, И. М. (2010с) О ситуации, некоторых прогнозах и стратегиях развития негосударственного высшего профессионального образования в России в связи с демографической ямой // Знание. Понимание. Умение. №4. С. 4–15.

Ильинский, И. М. (2010d) Образование в целях оглупления // Знание. Понимание. Умение. №1. С. 3–30.

Ильинский, И. М. (2011) Прошлое в Настоящем: Избранное. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 840 с.

Ильинский, И. М. (2012) «Модернизация» российского образования в контексте мировой глобализации // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 3–23.

Ильинский, И. М. (2013а) Об эффективности мониторинга вузов // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 3–9.

Ильинский, И. М. (2013б) Образовательные технологии: соотношение традиций и новаторства // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 3–7.

Ильинский, И. М. (2014) «Знание — понимание — умение» как формула перспективной научной и образовательной политики // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 5–17.

Ковалева, А. И. (1997) Социализационная норма в современном российском обществе : автореф. дис... докт. социол. наук. М. 32 с.

Ковалева, А. И. (2006) Социализация нетипичной молодежи // Знание. Понимание. Умение. №1. С. 187.

Ковалева, А. И. (2007) Проблемы результативности социализации молодежи в изменяющемся обществе // Вестник Международной академии наук (Русская секция). №1. С. 73–77.

Ковалева, А. И. (2011) Общество и личность. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 204 с.

Ковалева, А. И. (2012) Методологические проблемы исследования социализации // Знание. Понимание. Умение. №2. С. 19–24.

Ковалева, А. И., Богданова, В. В. (2012) Траектория социализации : монография. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 184 с.

Ковалева, А. И., Луков, Вал. А. (1999) Социология молодежи : Теоретические вопросы. М. : Социум. 351 с.

Ковалева, А. И., Луков, Вал. А. (2012) Социализация: социально-философский, социологический и социально-психологический аспекты понимания // *Философия и культура*. № 3. С. 27–35.

Ковалева, А. И., Реут, М. Н. (2001) Социализация неслышашей молодежи. М. : Социум. 222 с.

Луков, Вал. А. (2004) Социальное проектирование. 5-е изд. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та : Флинта. 240 с.

Луков, Вал. А. (2012а) Биосоциология молодежи и будущее гражданского общества // *Знание. Понимание. Умение*. №1. С. 13–19.

Луков, Вал. А. (2012b) Биосоциология молодежи: экспертные оценки изменений в новых поколениях // *Знание. Понимание. Умение*. № 3. С. 146–156.

Луков, Вал. А. (2012с) Теории молодежи: Междисциплинарное исследование. М. : Канон+. 528 с.

Луков, Вал. А. (2013а) Биосоциология молодежи : теоретико-методологические основания : науч. монография [Электронный ресурс]. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. 430 с. URL: [http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2013/monographs/Lukov\\_Biosociology-of-Youth.pdf](http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2013/monographs/Lukov_Biosociology-of-Youth.pdf)

Луков, Вал. А. (2013b) Ильинский Игорь Михайлович о проблемах молодежи и молодежной политики // *Youth World Politic*. № 2. С. 107–111.

Луков, Вал. А., Гневашева, В. А. (2009) Человеческий потенциал студента — образовательный потенциал вуза : По материалам мониторинга «Российский вуз глазами студентов» (этапы 2004–2008 годов). М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 69 с.

Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурусы : Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 784 с.

Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2013) Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 640 с.

Луков, Вал. А., Луков, С. В., Погорский, Э. К. (2012) Инновационный потенциал новых поколений и молодежная политика // *Молодіжна політика: проблеми та перспективи*. Вип. 3. : [зб. наук. праць] / наук. ред. С. Щудло. Дрогобич. С. 10–15.

Луков, Вал. А., Погорский, Э. К. (2014) Информационное общество и молодежь : науч. монография. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 160 с.

Луков, Вл. А., Жулковска, Т. (2013) Ковалева Антонина Ивановна о социализации молодежи // *Youth. World. Politic*. №2. С. 117–122.

Луков, С. В. (2009а) Диалог организационных культур в сфере высшего гуманитарного образования России и Германии : науч. монография. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 88 с.

Луков, С. В. (2009b) Сотрудничество вузов России и Германии в аспекте диалога организационных культур // *Знание. Понимание. Умение*. №4. С. 162–166.

Молодежь России: воспитание жизнеспособных поколений (1995): Доклад Комитета Рос. Федерации по делам молодежи. М. 256 с.

Погорский, Э. К. (2012) Человек в сетевом пространстве // Знание. Понимание. Умение. №3. С. 304–309.

Селиверстова, Н. А., Юмашева, Н. Д. (2009) Чтение в студенческой среде: опыт социол. исслед. М. : РКП. 108 с.

Социологи России: История социологии в лицах (2014): библиограф. справочник / отв. ред. Ж. Т. Тощенко. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА. 544 с.

Социология молодежи (2008): энциклопедич. словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. М. : Academia. 606 с.

Тезаурус социологии (2009): темат. слов.-справ. / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : ЮНИТИ-ДАНА. 487 с.

*Луков Валерий Андреевич* — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, проректор по научной и исследовательской работе — директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, вице-президент Международной академии наук (IAS, Инсбрук, Австрия). Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-70-20. Эл. адрес: v-lukov@list.ru

*Lukov Valery Andreevich*, Doctor of Philosophy, Professor, Pro-rector for Research and Publishing, Director, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities; Honored Scientist of the Russian Federation; Vice President, International Academy of Science (Innsbruck, Austria). Postal address: 5 Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-70-20. E-mail: v-lukov@list.ru

**ТОПИКА РОМАНА ГЮНТЕРА ГРАССА «ЖЕСТЯНОЙ БАРАБАН»**

*И. А. Григорьева, М. Б. Ясинская*

**The Topic of Günter Grass' Novel 'Die Blechtrommel'**

*I. A. Grigorieva, M. B. Yasinskaya*

*Аннотация.* В статье рассматривается лингвокультурный концепт Trommel (барабан) в тезаурусе текста романа Г. Грасса «Жестяной барабан», а также предлагается модель топики текста данного романа.

*Ключевые слова:* тезаурус, концепт, топка текста.

*Abstract.* The article discusses the linguistic-cultural concept 'Trommel' (drum) in the thesaurus of the text of G. Grass's novel "The Tin Drum". The authors propose a model for the topics of the text of this novel.

*Keywords:* thesaurus, concept, topic of text.

В контексте тезаурусного подхода мы понимаем тезаурус как систематизированную совокупность знаний у субъекта, которая связана с его положением в социально-культурных отношениях в обществе. По предположению Вал. А. Лукова и Вл. А. Лукова, первооснова тезауруса — концепт, соединяющий в себе, выраженный в нем смысл, эмоционально-чувственное восприятие внутреннего образа (Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2008: 111).

Модель тезаурусного подхода Вал. А. Лукова и Вл. А. Лукова предполагает иерархичность тезаурусного строя: тезаурус должен иметь «топику» — структуру различных зон. Исходя из целей и задач повседневной жизни, выстраивается семиступенчатая «пирамида тезауруса», каждая ступень которой — это круг фундаментальных проблем, решаемых человеком в течение всей его жизни: «1-я ступень: проблемы выживания; 2-я ступень: проблемы распространения, рождения детей, семьи, секса; 3-я ступень: проблемы власти, иерархической организации общества; 4-я ступень: проблемы коммуникации на уровне чувств (любовь, дружба, ненависть, зависть и т. д.); 5-я ступень: проблемы коммуникации на уровне диалога, высказывания, письма и т. д.; 6-я ступень: проблемы теоретического осмысления действительности; 7-я ступень: проблемы веры, интуиции, идеала, сверхсознания» (там же: 148).

В статье «Концепт *trommel* ('барабан') в тезаурусе романа Г. Грасса «Жестяной барабан»» (Григорьева, Ясинская 2013: 66–73) представлено, что лексема **trommel** (барабан) образует новую систему концептуальных значений, связанных с системой ментальных координат немецкого тезауруса: времяпространство — ритм/порядок — память — alter ego — учитель и др.

Представляется интересным рассмотреть топику текста, репрезентируемую через лексему **trommel** (барабан) в тезаурусе текста романа Гюнтера Грасса.

На основе новых концептуальных/тезаурусных/топических значений лексемы **trommel** ('барабан') можно построить семиступенчатую «пирамиду тезауруса» — топику романа (Григорьева, 2014: 66–73).

На первой ступени, раскрывающей проблему выживания располагаются следующие значения: защита/покров; средство борьбы; опора; оружие; спаситель; знак протеста и др. Например: «*Es soll ja niemand glauben, ich hätte meine Begegnung mit dem Fräulein Spollenhauer von so hoher Warte aus glaszersingend gestaltet und als revoltierende **Protesttrommelei** betrieben, weil ich des ABC mächtig gewesen wäre*» (Grass, 2005: 39) — «/.../Пусть никто не подумает, будто свою встречу с фройляйн Шполленхауэр, когда я пением резал стекло и мятежно **барабанил** в знак протеста, я провел с позиции превосходства, ибо уже овладел азбукой. /.../» (Грасс, 2000: 103).

«/.../seines Lehrers Bebra Ermahnungen beherzigend, Farbe und Schnitt der Uniformen, Takt und Lautstärke der auf Tribünen üblichen Musik ablehnte und deshalb auf einem bloßen Kinderspielzeug einigen **Protest zusammentrommelte**» (Grass, 2005:59) — «/.../ приняв близко к сердцу наставления своего учителя Бебры, отверг цвет мундиров, ритм и громкость принятой на трибунах музыки и лишь поэтому с помощью обыкновенной детской игрушки **пробарабанил** своего рода протест» (Грасс, 2000: 153) и др.

Данной ступени характерна «мембрана деятеля». Под тезаурусной мембраной, вслед за Вл. А. Луковым и Вал. А. Луковым, мы понимаем слой внешней цензуры на границе тезауруса и окружающего информационного поля (Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2008: 136). Для мембраны деятеля характерна реакция на ситуацию или на информацию, опережающая ее анализ. Защитная реакция для сохранения своего внутреннего миропонимания. Тогда как все, что приходит из окружающего информационного поля, воспринимается как угроза. Полученные значения семантически представляют **Trommel** (барабан) как пространство, используемое для сохранения личности от внешнего мира — как опору, необходимую для поддержания жизни, и как защиту от воздействий внешнего окружения; средство борьбы и оружие — как избранную тактику



взаимодействия с внешней средой, но и одновременно — спасителя и покров, так как изначально эта среда воспринимается, как враждебная.

На второй ступени, связанной с проблемами распространения, рождения детей, семьи, секса, — это объект любви; половой орган и др. Например: «*Oskar riß sich zumeist schnell von der ihm gebotenen Nestwärme los, fand zu der Waschschüssel und unterwarf sich und jenen im Bett wirkungsvollen ehemaligen **Trommelstock** einer gründlichen Reinigung /.../» (Grass, 2005: 146) — «Оскар, как правило, вскоре отрекался от предложенного ему перинного тепла, спешил к тазу, где подвергал и себя, и столь активную в постели **барабанную** палочку основательному омовению/.../» (Грасс, 2000: 380).*

«*So denkt Oskar heute. Doch damals gab es für ihn nur ein einziges Wollen: es galt, einen **trommelnden** Sohn an die Seite eines **trommelnden** Vaters zu stellen, es galt, zweimal von unten her **trommelnd**, den Erwachsenen zuzuschauen, es galt, eine zeugungsfähige **Trommlerdynastie** zu begründen; denn mein Werk sollte von Generation zu Generation blechern und weißrot gelackt übermittelt werden» (Grass, 2005:165) — «Так Оскар рассуждает сегодня. Но тогда у него было лишь одно желание: следовало поставить рядом с **барабанщиком-отцом барабанщика-сына**, следовало основать способную к размножению династию **барабанщиков**, ибо дело моей жизни, жестяное и крытое бело-красным лаком, должно было переходить из поколения в поколение» (Грасс, 2000: 428) и др.*

На этой ступени представлена «мембрана низших чувств», страстей и вожделения. Проблема распространения связана не только с биологическим процессом, но и на уровне идеи. **Trommel** (барабан) выступает как средство и цель распространения, а также как среда для его осуществления. Можно говорить о том, что процесс биологический заменен на социальный, т. е. основной целью является распространение собственных взглядов и понятий.

На третьей ступени, связанной с проблемой власти, иерархической организацией общества, — это руководитель; творец; ритм/порядок; работа; роль; профессия и др. Например: «*Darauf nahm ich wieder meine **Trommel**, **trommelte** aber nicht mehr die Hölzer todverdeckender Flöße ab, sondern schlug jenen schnellen, sprunghaften Rhythmus, dem alle Menschen vom August des Jahres vierzehn an gehorchen mußten. So wird es sich nicht vermeiden lassen, daß auch mein Text, bis zur Stunde meiner Geburt, nur andeutend den Weg jener Trauergemeinde nachzeichnen wird, welche mein Großvater in Europa zurückließ» (Grass, 2005: 17) — «После этого я снова взял свой **барабан**, но выбивал на нем не бревна украшающих смерть плотов, а тот быстрый, прыгучий ритм, которому должны были повиноваться все люди после августа одна тысяча девятьсот четырнадцатого. Потому мой текст вплоть до часа моего рождения может лишь в общих чертах набро-*

сать путь траурной процессии, оставленной в Европе моим дедушкой» (Grass, 2000: 47).

«/.../zwingt einen dreißigjährigen Oskar, um sich und seine **Trommel Jünger** *zusammeln*» (Grass, 2005: 276) — «/.../ заставят тридцатилетнего Оскара призвать учеников своих и собрать их вокруг себя и своего **барабана**» (Grass, 2000: 717) и др.

На этой ступени присутствует «мембрана руководителя», связанная с проблемами иерархии. **Trommel** (барабан) — стоит во главе социальной иерархии. Исполняет роль творца, задающего ритм, которому следуют; руководителя, требующего подчинения.

На четвертой ступени, связанной с проблемами эмотивной коммуникации, — это спутник; средство успокоения; предмет гордости и др. Например: «*Am nächsten Tag schon kam Jan Bronski, holte sein für mich bestimmtes Geburtstagsgeschenk, das Segelschiff ab, tauschte das dürftige Spielzeug beim Sigismund Markus in der Zeughauspassage gegen eine **Blechtrommel** ein, kam leicht verregnet am späten Nachmittag mit jener mir so vertraut weißbrot geflammten **Trommel** zu uns, hielt sie mir hin, faßte gleichzeitig das gute alte Blechwrack, dem nur Fragmente weißbroten Lackes geblieben waren*» (Grass, 2005: 32) — «В другой день снова пришел Ян Бронски, забрал предназначенный для меня подарок, парусный кораблик, выменял эту унылую игрушку у Сигизмунда Маркуса в Цойгхаус пассаже на **жестяной барабан**, явился ближе к вечеру, слегка промокший, с тем самым бело-красным, столь любезным моему сердцу **барабаном**, протянул его мне и одновременно схватил мою старую добрую жестянку, на которой сохранились лишь чешуйки бело-красного лака» (Grass, 2000: 85).

«*Sucht es womit? Er sucht es mit seinen **Trommelstöcken**. Sucht er das Land der Polen auch mit seiner Seele? Mit allen Organen sucht er, aber die Seele ist kein Organ*» (Grass, 2005: 89) — «/.../ему приходится одновременно искать страну поляков. Но чем он ищет ее? Да своими **барабанными** палочками. Ищет ли он страну поляков также и своей душой? Он ищет ее всеми органами чувств — но ведь душа не орган» (Grass, 2000: 115) и др.

На этой ступени присутствует «мембрана высших чувств», таких как любовь, дружба, преданность, верность, сострадание. **Trommel** (барабан) выступает в качестве спутника/друга, который становится средством успокоения и является предметом гордости. Выступает как средство общения с эмоционально значимыми объектами.

Пятая ступень связана с проблемами вербальной и невербальной коммуникаций (коммуникатор; друг и др.). Например: «*Was sie auch zu singen, zu blasen, zu beten und zu verkünden hatten: meine **Trommel** wußte es besser*» (Grass

2005: 59). «Чтобы они ни собирались пропеть, протрубить, вознести в молитве, возвестить миру — мой **барабан** умел лучше, чем они» (Грасс, 2000: 153).

«*Hätte ich nicht meine **Trommel**, der bei geschicktem und geduldigem Gebrauch alles einfällt, was an Nebensächlichkeiten nötig ist, um die Hauptsache aufs Papier bringen zu können, und hätte ich nicht die Erlaubnis der Anstalt, drei bis vier Stunden täglich mein Blech sprechen zu lassen, wäre ich ein armer Mensch ohne nachweisliche Großeltern*» (Grass, 2005: 10) — «Не будь у меня моего **барабана**, который, при умелом и терпеливом обращении, вспомнит из второстепенных деталей все необходимое для того, чтобы отразить на бумаге главное, и не полагай я санкцией заведения на то, чтобы от трех до четырех часов ежедневно предоставлять слово моей жестянке, я был бы разнесчастный человек без документально удостоверенных деда и бабушки» (Грасс, 2000: 28) и др.

Это «мембрана изгоя», непризнанного гения. Информация из окружающего информационного поля переосмысливается в соответствии с собственными ценностями и целями, которые не принимаются обществом, но именно им и отдается предпочтение. **Trommel** (барабан) — выступает посредником, средством общения с внешним миром. Если не «предоставлять слово...жестянке, я был бы разнесчастный человек...» — **Trommel** (барабан), единственное средство для выражения вовне и залог счастья.

На шестой ступени, связанной с проблемами теоретического осмысления действительности, — это времяпространство; память; учитель; национальная принадлежность и др. К примеру: «*Schon bildete ich mir ein, meine **Trommel** unterrichte, lehre, mache meine Mitschule zu meinen Schülern /.../*» (Grass, 2005: 66) — «Я уже возомнил, будто мой **барабан** выступает в роли преподавателя, учит, превращает моих соучеников в моих учеников /.../» (Грасс, 2000: 73).

«*All die Möglichkeiten, die sich heutzutage einem Dreißigjährigen bieten, müssen überprüft werden, womit überprüft, wenn nicht mit meiner **Trommel***» (Grass, 2005: 280) — «Все возможности, которые в наше время предоставляются тридцатилетнему, следует серьезнейшим образом проверить, а чем их и проверять, как не моим **барабаном?**» (Грасс, 2000: 729) и др.

На этой ступени проявляется «мембрана мыслителя». Происходит постижение реального мира вокруг себя и начинается протестовать против него, тем самым создается свой собственный иллюзорный «барабанный» мир. Однако попытки раскрыть свою «истину» перед другими, изначально обречены на провал.

Выбор данной роли, как модели поведения, основан на удовлетворении собственных потребностей и интересов: избегание всякой двусмысленности, требовательность, жестко добивается послушания, так как считает, что всегда и

во всем прав, а ученик, как армейский новобранец, должен беспрекословно подчиняться отдаваемым приказам.

На седьмой ступени, связанной с проблемами веры, интуиции, идеала, сверхсознания, — это Alter ego; смерть; ценность и др. Например: «*Die Hände frei, hob ich sodann die an jämmerlichem Bindfaden hängende **Trommel** hoch, anklagend hoch, über Augenhöhe hoch, hoch, wie Hochwürden Wiehnke während der Messe die Hostie hob, hätte auch sagen können: das ist mein Fleisch und Blut, sagte aber kein Wörtchen, hob das geschundene Metall nur hoch, wollte auch keine grundlegende, womöglich wunderbare Wandlung; die Reparatur meiner **Trommel** forderte ich, sonst nichts*» (Grass, 2005: 100) — «Высвободив руки, я высоко поднял свой висящий на жалкой бечевке **барабан**, осуждающе высоко, над уровнем глаз, высоко, как его преподобие Винке поднимал в ходе мессы священную хостию, подобно ему, я тоже мог бы сказать: "Это плоть моя и кровь моя", но не проронил ни слова, я только поднял кверху истерзанный металл, причем я отнюдь не требовал коренных, а то и вовсе чудесных превращений, я требовал только, чтобы мне починили мой **барабан**, — и больше ничего» (Грасс, 2000: 264).

«*Er hatte mich angesprochen, ohne zu wissen, was er in mir ansprach. Vom Kopf schoß es mir in den Buckel. Es war wie am Jüngsten Tag all meiner alten, zer Schlagenen, erledigten **Blechtrommeln**. Die tausend Bleche, die ich zum Schrott geworfen hatte, und das eine Blech, das auf dem Friedhof Saspe begraben lag, sie standen auf, erstanden aufs neue, feierten heil und ganz Auferstehung, ließen sich hören, füllten mich aus, trieben mich von der Bettkante hoch, zogen mich /.../» (Grass, 2005: 240) — «Он воззвал ко мне, даже не догадываясь, к чему именно он меня зывает. Меня пронзило от головы до горба. Это было словно в день Страшного Суда над всеми моими, старыми, разбитыми, вышедшими из строя **барабанами**. Тысячи **барабанов** (в оригинале das Blech — жечь. — *Авт.*), выброшенных мной на помойку, и единственный **барабан**, зарытый на кладбище в Заспе, — они все встали, восстали заново, целые и невредимые, отпраздновали свое воскресение, подали голос, заполнили меня /.../» (Грасс, 2000: 626) и др.*

На этой ступени присутствует «мембрана высшего сознания и интуиции». Происходит обобщение самых важных явлений жизни, но, соединяясь с личностным восприятием, они несут в себе трагический смысл. Использование христианских конструктов (под конструктами понимаются основополагающие символы, используемые в христианской мифологии) указывает на фундаментальную значимость **Trommel** (барабан), в системе ценностей данного романа/главного героя. Например: Хостия (евхаристический хлеб) — как барабан; преподобный Винке — это Оскар — противопоставление «правильного» и «неправильного»; «нормальность» и «анормальность», условность подчеркивается

двуплановостью и контрастностью. Во втором примере автор использует слово *das Blech* (жесть) для обозначения барабана: происходит переориентация ценностей — от Страшного Суда до Воскресения, от мертвой жестянки до одушевленной личности.

Лексема **trommel** (барабан) выступает как смысловое ядро текста, репрезентирующее себя, как одушевленный предмет и личность, вокруг которого образуется топика художественного текста:

— личность, чья реакция на ситуацию или на информацию опережает ее анализ и проявляется как защитная реакция для сохранения своего внутреннего миропонимания, тогда как все, что приходит из окружающего информационного поля, воспринимается как угроза;

— личность, обладающая ценностью семьи, продолжения рода;

— личность, управляющая и повелевающая другими; источник власти;

— личность любящая и ненавидящая одновременно; являющаяся другом, поддержкой и опорой;

— личность, являющаяся воплощением памяти, рассказчиком, носителем информации;

— личность, осмысляющая реальность и борющаяся с ней;

— личность, *Alter Ego*, обладающая собственным миропониманием и строящая свой собственный мир.

Выявленный смысловой/топический объем лексемы **trommel** (барабан) в тексте романа Г. Грасса позволяет определять ее как универсальный, смыслообразующий и смыслоформирующий концепт, который расширяет/дополняет/образует новые концептуальные значения не только в тезаурусе текста Г. Грасса, но и в тезаурусе немецкой картины мира. Выстроенная топика романа показывает, что лексема **trommel** (барабан) является концептом, реализующим все семь ступеней тезаурусной топики романа. Движение топического концепта происходит не только на уровнях от первой ступени до седьмой, но и является взаимодополняющим и взаимопроницаемым на разных уровнях жизни топики.

#### *СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ*

Grass, G. (2005) *Die Blechtrommel*. СПб. : Антология ; КАРО. 480 с.

Грасс, Г. (2000) *Жестяной барабан*. СПб. : Азбука. 736 с.

Григорьева, И. А., Ясинская, М. Б. (2013) Концепт *trommel* (барабан) в тезаурусе романа Г. Грасса «Жестяной барабан» // Тезаурусный анализ мировой культуры : сб. науч. трудов. Вып. 27 : Специальный выпуск : Высшее образование для XXI века: X Международная научная конференция. Москва, 14–16 но-

ября 2013 г. : Доклады и материалы. Симпозиум «Тезаурусный анализ мировой культуры» / под общ. ред. Вл. А. Лукова. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 66–73.

Григорьева, И. А. (2014) Топика текста романа Г. Грасса «Жестяной барабан» // Ученый совет. № 8.

Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 784 с.

*Григорьева Ирина Андреевна* — студент факультета культуры и искусства Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-51-51. Эл. адрес: miriama@yandex.ru

*Ясинская Милена Борисовна* — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (495) 374-61-81. Эл. адрес: yasinska@gmail.com

*Grigorieva Irina Andreevna*, Student, Faculty of Culture and Arts, Moscow University for Humanities. Postal address: 5 Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-51-51. E-mail: miriama@yandex.ru

*Yasinskaya Milena Borisovna*, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Philosophy, Culturology and Politology, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5 Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (495) 374-61-81. E-mail: yassinska@gmail.com

**АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА  
СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ**

*А. Р. Кожаринова*

**Analysis of the Social Potential of Modern Mass Culture**

*A. R. Kozharinova*

*Аннотация.* В статье характеризуются идеологическая, адаптационная, рекреативная, ценностно-ориентационная, социализирующая, коммуникативная, трансляционная функции массовой культуры, показывается их связь в современном обществе.

*Ключевые слова:* массовая культура, идеология, адаптация, рекреация, ценность, коммуникация, трансляция специализированного знания.

*Abstract.* The article deals with the ideological, adaptational, recreational, axiological and orientational, socializing, communicative, translational functions of mass culture and shows their relationship in modern society.

*Keywords:* mass culture, ideology, adaptation, recreation, value, communication, transmission of specialized knowledge.

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-03-00-330а).

В современном обществе, перешедшем на новую ступень исторического развития, роль массовой культуры и круг выполняемых ею функций постепенно изменяется и постоянно расширяется. Динамика функций массовой культуры от в основном развлекательной, к преимущественно адаптационной и социализирующей, стала предметом научных споров среди многих исследователей. Критический обзор литературы по функциональному анализу массовой культуры представляет собой отдельную задачу. Поэтому ограничимся кратким рассмотрением функций массовой культуры, ставших важнейшими в современном обществе.

***Идеологическая функция массовой культуры***

На смену понимания идеологии как ложного сознания (К. Маркс и Ф. Энгельс) в XX веке пришло множество новых пониманий: идеологическое

как синоним семиотического М. М. Бахтина, идеология как апология существующего порядка К. Мангейма, идеология как способ установления культурной гегемонии (достаточного уровня согласия в обществе) А. Грамши, идеология как укрытие от «травматической реальной сущности» С. Жижека (Жижек, 1999: 26), идеология как «маска и оружие» и «симптом и лекарство» К. Гирца (Гирц, 1998: 10–13) и т. д. Интересен подход Р. Барта, который рассматривает идеологию как знаковое образование. Он первый связал коннотацию знака с областью идеологии: «Что касается коннотативного означаемого, то оно обладает всеобъемлющим, глобальным и расплывчатым характером: это — фрагмент идеологии» (Барт, 2001: 216). Из аспектов идеологии, выделяемых философом, подчеркнем важные в аспекте нашего исследования: претензия на универсальность, агрессивность, стремление к подавлению личностного сознания и отчуждению ответственности индивида, стереотипность, предлагающая набор узнаваемых клише (Барт, 1975). Бросающиеся в глаза пересечения выделенных Р. Бартом аспектов идеологии с сущностными особенностями массовой культуры подтверждают чрезвычайную идеологическую насыщенность последней.

Говоря об идеологической функции масскульта, мы подразумеваем под ней способность этой культурной формы внушать своим потребителям выгодные определенным социальным структурам идеи и представления, подменяющие рациональное понимание действительности. Реализация идеологической функции культуры осуществляется тем легче, чем хуже образован и чем более интеллектуально пассивен объект воздействия; чем значительнее предлагаемые идеологией тезисы связаны с конкретными условиями жизни людей; чем больше факторов (как то — сложные материальные условия существования, отсутствие свободного времени, наличие развлекательного досуга, уводящего от рефлексии, и проч.) отвлекают аудиторию.

Основным содержанием идеологической функции массовой культуры становится создание иллюзорной, оторванной от действительности мифологизированной картины мира, формирование потребительского отношения к миру. По замечанию А. В. Костиной, «массовая культура является своеобразной сублимацией желаний, инстинктов, стремлений... индивид как бы перемещается в мир, предложенный ему массовым проектом, и лишь здесь он чувствует себя комфортно и безопасно, действительность же начинает восприниматься по законам массового зрелища» (Костина, 2004: 59–60).

Массовая культура играет важную роль в формировании национального сознания. Исследователь Г. П. Хорина выделяет такие базовые элементы государственной идеологии в области формирования национального сознания, как представление о судьбе и предназначении данной нации, о векторе исторического развития нации и ее вкладе в культурную сокровищницу человечества, об оценке имеющегося у нации исторического опыта и т. п. (Хорина, 2007: 303). Созданные непосредственно для этих целей тексты массовой культуры вполне справляются с поставленными задачами. Сегодня масскульт фактически формирует национальный язык, создает национально-культурные стереотипы, ре-



гулирует поведение индивида, влияет на коммуникации как внутри нации, так и вне ее (в процессе формирования глобальной культуры).

Мышление, формирующееся под влиянием средств массовой коммуникации, становится все больше структурированным извне. Механизмы идеологического воздействия становятся все более сложными и утонченными: латеральное программирование психики (прикрытие главного в высказывании чем-либо не имеющим значения), внушение, обращение к глубинным слоям психики, создание положительного прагматического фона, создающего устойчивое видение привлекательного будущего состояния, и т. п. Это приводит к тому, что люди при потреблении текстов массовой культуры получают не информацию, а интерпретацию информации, в которой форма начинает господствовать над содержанием. Так воплощается цель массовой культуры — воспитание сознания, не умеющего противостоять индоктринационному воздействию средств массовой коммуникации.

Важнейшей сферой, контролируемой идеологией, является когнитивная сфера. Поэтому властные структуры берут сферу познания масс под свой особый контроль. Идеологически выгодное формирование того, что думают массы об окружающем мире и о самих себе как части этого мира, — важнейшая задача власти. Связь науки с идеологией усиливает воздействие на массы последней, как бы конституируя идеологические положения авторитетом естественных законов, убеждая изречениями великих ученых, сведениями из истории науки, используя научный язык, иллюстрируя свои положения цифровыми выкладками и т. п. Таким образом, наука придает идеологии весомость, снабжает определенной легитимностью, объясняя через законы природы защищаемый идеологией общественный порядок.

### *Адаптационная функция массовой культуры*

С помощью масскультула индивид приспособливается к быстро меняющимся внешним условиям, что становится особенно полезным в условиях забвения традиционной культуры. В результате потребления продукции массовой культуры происходят восстановление и умножение производительных сил человека, снятие его психоэмоционального напряжения, что является результатом реализации ее рекреационной функции.

Культурной адаптацией называется приспособление индивидов, социальных групп или обществ к природно-географическим и социально-историческим условиям через изменения поведенческих стереотипов, элементов сознания, норм и ценностей, образа жизни, культурной картины мира, механизмов коммуникации и т. д. Эволюционисты (Л. Морган, Г. Спенсер, Э. Тайлор и др.) и неэволюционисты (А. Вайда, Р. Раппопорт, Л. Уайт и др.) считали культурную адаптацию важнейшим механизмом культурной изменчивости. В традиционных обществах присутствовала культурная адаптация преимущественно к окружающей природной среде и социуму. В индустриальном и постиндустри-

альном обществах наблюдается, в первую очередь, культурная адаптация к потребностям экономики и созданной вокруг человека искусственной среде обитания. Из-за этого изменения и происходит трансформация методов культурной адаптации. В эпоху современности массовая культура становится важнейшей культурной формой, способствующей, в первую очередь, адаптации человека к социуму. Благодаря массовой культуре, индивид погружается в определенную коммуникационную среду, где ему предлагаются паттерны поведения для выхода из проблемных ситуаций. Именно в масскульте массовизированный индивид черпает навыки, механизмы и нормы, имеющие адаптивное значение и приносящее конкретную пользу для разрешения проблемных обстоятельств в его обыденной жизни. Представителю массы, не обладающему способностью творческого подхода к выбору наиболее подходящего из разнообразных жизненных сценариев, приходится в решении своих проблем ориентироваться на героев ток-шоу и сериалов, «звезд» шоу-бизнеса, спорта, частично перекладывая на них ответственность за принятие своих решений. Выбор шаблонных вариантов выхода из проблемной ситуации, некритическое восприятие этих вариантов, пассивность, усвоение позиции большинства — такое поведение массовизированного индивида может иметь как отрицательные, так и положительные стороны. С одной стороны это приводит к нивелировке личности, потере способности самостоятельно принимать решения, что лишает индивида креативности и приостанавливает духовный рост. С другой стороны, решение проблем на основе выбора из предлагаемых ему сценариев снимает у индивида стресс, сопутствующий этому выбору и увеличивает число возможных вариантов выхода из кризиса.

Рассматривая масскульт как культуру, способствующую социальной адаптации, уместно будет отметить ряд исследований (Э. С. Маркарян, А. А. Налчаджян), авторы которых выделяют негэнтропийную функцию культуры, т. е. рассматривают роль культуры в противостоянии хаотизации (росту энтропии) в общественных системах. Реализация негэнтропийной функции массовой культуры предотвращает социальную дезорганизацию. Через типизацию поведения массовая культура как бы цементирует общество, обеспечивая единство его отдельных составляющих, что дает властным структурам возможность манипулирования общественным сознанием с целью подчинения поведения масс необходимому курсу. Однако нельзя не отметить и противоположную тенденцию: массовая культура способна не только снимать стресс, но и порождать его. Понимание классиками психоанализа культуры как среды, налагающей на индивида ограничения («Неудовлетворенность культурой» З. Фрейда, «Невротическая личность нашего времени» К. Хорни), безусловно, имеет непосредственное отношение и к массовой культуре. Недостижимые для большинства образцы роскошной жизни, предлагаемые масскультом, порождают противоречие между потребностями масс и их реальными возможностями. Возникающий на этой почве стресс отнюдь не повышает адаптационный потенциал индивида. В подобных ситуациях массовая культура невротизирует личность, что

становится примером реализацией антиадаптационной функции массовой культуры.

Значение адаптационной функции актуализируется в современную эпоху, характеризующуюся быстрой сменой внешних обстоятельств: общественно-политического строя, социального статуса, нравственных идеалов, места жительства, модели семейных отношений и т. п.

Особую роль адаптационная функция массовой культуры играет в России, когда в ситуации переходного периода постоянно трансформировались политические, социальные и экономические условия. Индивидуальные особенности личности не успевали меняться такими же темпами. Представляющая специфическую интерпретацию бытия массовая культура в новых условиях частично взяла на себя роль культурной формы, повышающей социально-адаптационный потенциал индивида. Все сказанное дает нам возможность признать важность феномена массовой культуры в деле повышения адаптационного потенциала массовизированного индивида.

### ***Рекреативная функция массовой культуры***

Рекреативная функция массовой культуры заключается в ее способности содействовать восстановлению человеком своих физических и духовных сил. Причем речь идет не только о восстановлении, но и о расширенном воспроизводстве израсходованных сил, что необходимо для дальнейшего роста производительности труда. Образ жизни современного человека, как привило, диктуется ему властными структурами, что противоречит онтологическим основаниям бытия и приводит к коренной перестройке личности, выражающейся в потере своего *Я*, одиночестве, деперсонализации, противопоставлении себя обществу и другим индивидам. Кроме того, жизнь современных людей перенасыщена событиями, интеллектуальными и эмоциональными нагрузками, стрессовыми ситуациями. Узкая специализация, конвейерное производство, связанное с необходимостью выполнять мелкие однотипные операции, также создают колоссальное психоэмоциональное напряжение. Помимо затрат сил на производственную деятельность индивида сопровождается необходимостью сосредотачиваться на бытовых проблемах, внутрисемейных отношениях и т. д. Нервное напряжение почти всегда присутствует в жизни современного человека, что делает рекреацию особенно актуальной.

Массовая культура — самый простой и доступный вид рекреации. Сама сущность массовой культуры предполагает отсутствие усилий для ее восприятия. А это является условием для полного расслабления и отдыха ее потребителя. Пассивное потребление произведений массового искусства — самая распространенная форма досуга современных людей, а для многих — единственная. С появлением массового общества, члены которого пассивны по своей сути, свободное время становится предметом организации не самого индивида, а внешних по отношению к нему структур: государства, турфирм, руководства

телеканалов и т. п. В XX веке создана индустрия досуга, освобождающая потребителя от усилий по организации собственного отдыха. Запросы массовизированного индивида, как правило, шаблонны, что позволяет угадывать его желания и умело направлять их в нужное русло. Индустрия развлечений приносит огромные доходы ее организаторам. Поэтому все в ней тщательно продуманно и основано на знании психологии и физиологии потребителя. Получается, что вместо того, чтобы стать полем «свободы» для современных людей, свободное время тоже остается полем «манипуляции» со стороны властных структур. Но даже при всех вышеперечисленных негативных моментах складывается ситуация, в которой не теряется важность процесса рекреации, который сам по себе становится важнее его (процесса) последствий и результатов. Монотонное течение будничного бытия вызывает потребность в празднике, который является логическим завершением трудового цикла. Людей привлекает возможность во время праздника сбросить с себя социальные маски, снять накопившееся напряжение (Бахтин, 1990).

Итак, в результате потребления продукции массовой культуры происходит восстановление и умножение производительных сил человека, снятие его психоэмоционального напряжения. Массовая культура — далеко не самая плохая форма релаксации из возможных, таких, например, как наркотики, алкоголь, сексуальная распущенность. И если даже, как это происходит при потреблении низкокачественных образцов масскульты, результат рекреации оставляет желать лучшего, то процесс рекреации всегда остается ценным для общества.

### ***Ценностно-ориентационная функция массовой культуры***

Ценностно-ориентационную функцию массовой культуры можно определить как наставление на умение разобраться в окружающей обстановке и обстоятельствах, выработке общего ценностно-смыслового восприятия реальности.

Одной из особенностей ценностно-ориентационной функции массовой культуры становится формирование потребительской идеологии, которая «маркетизирует» все сферы существования индивида, формирует отношение к вещи как одной из важнейших ценностей бытия. Массовизированного индивида можно заставить приобретать любой разрекламированный продукт — вещь, услугу, информацию, произведение массового искусства. Потребности такого индивида не объективны, а искусственно сформированы. «Потребление у нас — прежде всего удовлетворение искусственно созданных прихотей, отчужденных от истинного, реального нашего «я»... На самом деле мы питаемся одной лишь игрой воображения, очень далекой от пищи, которую мы пережевываем. Наше небо, наше тело выключены из процесса потребления, в котором они должны бы быть главными участниками. Мы пьем одни ярлыки. Откупорив бутылку кока-колы, мы упиваемся рекламной картинкой, ... призывом «Остановись и освежись!», мы следуем великому американскому обычаю и меньше все-

го утоляем собственную жажду» (Фромм, 1966: 231). Консюмеризм воспитывается массовой культурой и порождается рядом причин. К ним можно отнести экономические причины (рост производительности труда), технологические причины (система обезличенного индустриального производства), социально-политические причины (отвлечение масс от социальных, глобальных проблем), психологические причины (отчуждение от природы, эскапизм и т. д.). В результате манипулятивной деятельности со стороны властных структур создается видимость того, что смысл производственной деятельности человека и заключается в акте потребления, а сам процесс потребления превращается в самоцель, сакрализуется и насыщается иллюзией духовного содержания.

Чтобы оправдать предлагаемую масскультом «реальность», массовая культура часто использует прием мифологизации этой реальности. Р. Барт описывает как из мифов о летающих тарелках, астрологии, пеномоющих средствах, национальной кухне и прочих, массовая культура складывает картину мира массовизированного индивида (Барт, 1989: 47–129). Философ определяет целью современных мифов сокрытие реальности, преобразование ее в соответствии с ожиданиями аудитории. Помимо этого мифы еще и пробуют завуалировать свое «сокрытие реальности», т. е. пытаются выглядеть правдоподобно и естественно. В отличие от первобытного мифа, современные мифы отрывочны и фрагментарны, но, как и архаичные мифы, они создают особый мир — понятный, предсказуемый и непротиворечивый. Даже сами названия продуктов получают мифологизированный статус (стиральный порошок «Миф», майонез «Мечта хозяйки»). В массовое сознание внедряется представление о том, что достаточно воспользоваться правильным шампунем или дезодорантом — и «вам обеспечено счастье».

Необходимо отметить, что по сравнению с традиционными обществами, где присутствовали трансцендентные ценности, масскульт нацелен на практические ценности: приобретение комфорта, достижение успеха и признания в обществе, построение личного счастья и т. п.

### ***Социализирующая функция массовой культуры***

Социализирующая функция массовой культуры заключается во включении индивида (мнимом или истинном — другой вопрос) в общественную жизнь, усвоении им социокультурного опыта (знаний, ценностей, норм поведения, верований, обычаев, традиций и проч.), соответствующих данному обществу или социальной группе. Социализация может быть как результатом целенаправленных, так и стихийных воздействий на индивида.

Теории социализации разрабатывались с конца XIX века. К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что приспособление человека к социальной среде происходит активно, в результате их практической деятельности, параллельно с изменением этой самой среды (Маркс, 1960: 188–189). Э. Дюркгейм разработал теорию социализации, в которой подчеркивалась двойственная (биологическая и со-

циальная) природа человека. Противоречия между этими двумя составляющими должно контролировать общество, воспитывающее индивида, направляющее природное в нем по общественно приемлемому и необходимому руслу. Э. Дюркгейм считал, что основной функцией социализации является приобщение индивида к «коллективному сознанию» с целью сохранения целостности общества (Дюркгейм, 2007: 115). За основу социализации Г. Тард взял подражание учителя ученику. Он отмечал склонность людей к подражанию тем, кто их в чем-то превосходит, и писал: «общество — это подражание» (Тард, 1892: 89). Для успешности социализации необходимо научить индивида подавлять личные интересы, действуя в угоду интересам общественным. Вопросов социализации как проблемы психологии касались также У. Джемс и З. Фрейд. Социолог Т. Парсонс определял социализацию как одно из средств сохранения социального равновесия (Парсонс, 2002). Ч. Кули и Дж. Мид считали, что индивид сам активно участвует в процессе социализации (Я-концепция) (Кули, 1994: 316–329; Мид, 1994: 229–230). Понятие «социализация» разрабатывалось Э. Гидденсом, П. Бурдьё, Э. Фроммом, Ю. Хабермасом («критическая теория социализации») и многими другими. Общий анализ теоретических концепций социализации позволил М. В. Ромму (Ромм, 2003) обнаружить в них два разных подхода: подход к социализации с позиции общества (Б. Малиновский, А. Радклифф-Браун, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. К. Мертон, К. Леви-Стросс и др.) и с позиции личности (Г. Тард, У. Джемс, Э. Фромм, М. Вебер, В. Дильтей, Дж. Г. Мид, Г. Блумер, Т. Лукман, А. Шюц и др.). Для объединения этих подходов становится целесообразным введение термина «культурная социализация», что и осуществляется в работах таких авторов как Р. Бенедикт, Р. Линтон, М. Мид и др.

А. В. Луков, опираясь на трактовку социализации А. И. Ковалевой (Ковалева, 2004), определяет культурную социализацию как «двусторонний процесс (1) постоянной передачи обществом и (2) освоения индивидом в течение всей его жизни и особенно в молодом возрасте через посредство социализационных институтов (языка как средства коммуникации, игровой деятельности, образования, СМИ), культурных ценностей, реалий и идеалов культуры, выработки культурных потребностей и интересов, установок, жизненных ориентаций, этнокультурной самоидентификации, организации досуга, художественных предпочтений — в итоге: формирования культурных картин мира, — позволяющий индивиду функционировать в пространстве культуры данного общества» (Луков, 2008, Электр. ресурс).

Выделяются социально-психологические и социально-педагогические механизмы социализации. К социально-психологическим механизмам относятся импринтинг (запечатление), подражание, рефлексия, экзистенциальный нажим (овладение языком и неосознанное усвоение социальных норм). К социально-педагогическим механизмам социализации относятся традиционный механизм социализации, происходящий под действием ближайшего окружения; институциональный механизм социализации, происходящий под действием социальных институтов; межличностный механизм социализации, происходящий

под действием значимых для социализирующегося индивида лиц. Массовая культура реализует и те, и другие механизмы социализации, погружая новоевропейского индивида в свое пространство практически с младенчества и продолжая социализировать его до последних лет жизни.

Если в традиционной культуре агентами социализации являлись люди, которые непосредственно вступали в контакт с человеком (родители, члены семьи, соседи, сверстники, учителя, представители клира), то в современном обществе социализация все больше происходит под влиянием средств массовой коммуникации, которые частично замещают традиционные каналы образования (обучения и воспитания).

### ***Коммуникативная функция массовой культуры***

В XX веке коммуникации, изменившись как качественно, так и количественно, приобрели невиданный в истории размах, став дистанционными и распространившись во времени и в пространстве<sup>1</sup>.

Г. П. Щедровицкий выделял три типа коммуникативных стратегий: презентация, манипуляция, конвенция. Массовая культура на известном уровне способна реализовывать все из них. Презентация, являясь пассивным способом коммуникации, просто содержит сообщение о предмете, событии, явлении. Если говорить о стратегии презентации в массовой культуре, уместно вспомнить, как массовая культура представляет своим потребителям артефакты элитарной культуры, адаптируя их для массового сознания (оцифровка классической музыки или шедевров изобразительного искусства, репродуцирование полотен известных художников, трансформация литературных произведения в сериалы или даже комиксы). Подобная презентация не только меняет изначально заложенную автором элитарного произведения форму сообщения, но и существенно искажает его, однако определенная часть сообщения все-таки доходит до адресата. Манипуляция (активный тип коммуникации) предполагает передачу сообщения с использованием скрытых механизмов воздействия, применяемых для управления поведением людей. Эта стратегия является однонаправленной, поэтому коммуникация при ее реализации почти уничтожается, поскольку при такой коммуникационной стратегии истинные цели коммуникации остаются

---

<sup>1</sup> Среди культурфилософских учений XX века, посвященных проблемам коммуникации, можно перечислить философскую герменевтику (Г. Г. Гадамер, Э. Бетти, П. Рикер, Л. Парейсон, Дж. Ваттимо), аналитическую философию (Л. Витгенштейн, Р. Карнап, Дж. Мур, У. Куайн), экзистенциализм (К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти, Г. Марсель) и другие. В своей теории коммуникативного действия Ю. Хабермас переосмысливает коммуникативную природу социальной реальности, беря за основу коммуникации язык как всеобщее пространство существования. Н. Луман считает коммуникацию сущностной характеристикой общества и трактует власть как средство социальной коммуникации. В России о проблемах коммуникации писали Ю. М. Лотман, М. К. Мамардашвили, Г. Г. Почепцов, А. В. Соколов, Г. Е. Третьяк, Г. П. Щедровицкий, И. П. Яковлев и многие другие.

непонятыми адресатом, что создает пространство некомпетентности. Манипулятивная коммуникационная стратегия не может быть успешно осуществлена без участия властных структур. Идеологически нагруженная массовая культура постоянно использует этот тип коммуникации, особенно в пропаганде и рекламе. Конвенция (интерактивный тип коммуникации) осуществляется при условии соглашений между субъектами коммуникации (Щедровицкий, 1995: 396–402). Задача конвенциональной коммуникационной стратегии — обеспечить сотрудничество между отдельными структурами коммуникационной среды через цепочку консенсусов с целью достижения соглашения относительно решения практических задач или налаживания коммуникационного процесса в будущем. Этот тип коммуникации становится все более популярным в информационном обществе, в котором востребованной становится обратная связь с адресатом.

Средства массовой коммуникации создают вокруг современного индивида некий метатекст, который содержит все, что его окружает: представления о мире, шутки, стиль, одежду, быт, политические взгляды, ценности и т. д. При потреблении этого метатекста формируется коллективное сознание, внутри которого у каждого члена массового общества наличествует почти такой же набор образов, как и у всякого другого. Более того, сама коммуникация происходит при помощи образов, заложенных в сознание коммуникацией же. Так масс-медиа формируют нашу культуру.

### ***Трансляционная функция массовой культуры***

Ученые выделяют два уровня культуры — обыденную и специализированную. Обыденная культура соотнесена с повседневной жизнью, общепонятна, общедоступна, ограничена сферой ближайшего существования индивида, усваивается в процессе инкультурации и социализации<sup>1</sup>. Специализированная культура усваивается в процессе профессиональной подготовки, она институционализована и связана с дальним окружением человека. Для того чтобы овладеть специализированным уровнем культуры необходима профессиональная подготовка. Специализированная культура создает и аккумулирует специализированный социокультурный опыт любой направленности, а затем транслирует его на уровень обыденной культуры. Каждому элементу специализированного уровня соответствует «переведенный» на обыденный уровень элемент. Так образуются связки богословие — профанный уровень религиозного знания

---

<sup>1</sup> Уровень обыденной культуры рассматривали прагматисты (У. Джемс), представители логического позитивизма и философии языка (Л. Витгенштейн, Дж. Серль, Г. Райл), социологи (М. Вебер, А. Шюц и Г. Гарфинкель, Т. Парсонс, П. Бурдьё), структуралисты (М. Фуко, Р. Барт), позднее их идеи частично развивали Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр, У. Эко, а также отечественные ученые М. М. Бахтин, Б. Ф. Поршнев, А. Я. Гуревич, Ю. М. Лотман и другие. Обыденная культура усваивается в малой группе (семья, родня, ровесники), в системе общего образования (школа), а также при помощи СМИ, церкви и некоторых других социальных институтов (дошкольные учреждения, кружки, клубы, армия).



или суеверие, экономика — практика ведения домашнего бюджета, художественная культура — эстетика украшения жилья, наука — обыденные представления о науке и т. д. Каналами связи между двумя уровнями культуры становятся сфера образования, средства массовой коммуникации, социальные институты, учреждения культуры.

Основу обыденного уровня культуры составляет обыденное сознание<sup>1</sup>, продуцирующее повседневное, житейское или обыденное знание, содержащее исходные представления человека о повседневной реальности. Обыденное знание не требует доказательств и имеет критериями истинности повседневный опыт, свою практическую полезность и соответствие тому, что называется «здравым смыслом». В силу перечисленного данный феномен обладает некоторой степенью внутренней противоречивости, иррациональности. Критерии его истинности, как мы видим, достаточно относительны, являясь таковым именно в силу своей «биографической детерминированности» (Щюц, 1988: 129–137). Обыденное знание передается, по большей части, устно и тесно связано с языковой картиной мира его носителя. Оно не систематизировано и чаще всего сводится просто к констатации фактов, научно не обосновано.

Специализированное знание возникает с момента выделения в обществе отдельных личностей или групп, занимающихся творческой, новационной деятельностью. Первыми носителями специализированного знания в первобытном обществе были старейшины и шаманы, в древних цивилизациях — жрецы, писцы и т. д. Этот вид знания определяется в большей мере теоретической, чем практической ориентацией. Специализированное знание, в отличие от обыденного знания, систематизировано. Оно нуждается в проверке и доказательствах, фиксируется письменно в специальном языке, передается от учителя к ученику. Усвоение специализированного знания требует наличия у ученика определенных умственных способностей. Формализованность, абстрактность, оторванность от повседневного контекста, характерные для специализированного знания, делают невозможным его интуитивное усвоение, что вынуждает познающего субъекта совершать интеллектуальные усилия при получении этого вида знания. Специализированное знание чаще всего постигается индивидом в процессе профессионального обучения либо непосредственно в процессе профессиональной деятельности.

Обыденное знание не может быть таким источником развития общества, каким является специализированное знание. Все новые смыслы первоначально возникают в специализированном знании, которое затем диффундирует в обыденное практическое знание, постоянно реформируя его и наполняя новыми смыслами. Для адекватного перевода одной системы знания в другую требуются специально разработанные обществом механизмы трансляции, придающие

---

<sup>1</sup> Термин «обыденное знание» был введен основателем социальной феноменологии А. Шюцем. В работе «Структура повседневного мышления» он показывает, что в повседневной жизни восприятие индивидом мира состоит из соотношения получаемого в определенный момент знания, с уже существующим «наличным знанием», основанным на обретенном ранее личном опыте, и опыте, транслируемым ему родителями или учителями.

специализированному знанию формы, усваиваемые обыденным сознанием. Механизмы перевода трансформировались в истории: от первобытного мимесиса к средневековым глашатаям, от церковных проповедей к современным СМИ. Поскольку в истории человечества уровень профессиональной специализации неуклонно возрастал и разрыв между специализированным и обыденным знанием постоянно увеличивался, усложнялись и механизмы его трансляции.

Итак, между специализированным и обыденным познанием лежит пропасть, которая становится все глубже о мере развития современной науки. Поэтому всегда существовала, а в современном обществе усилилась, необходимость в культурных формах, ликвидирующих разрыв между описанными уровнями знания. Исследователи (Орлова, 1984: 281–305; Негодаев, 2003: 62) считают, что наиважнейшей социальной функцией культуры вообще является функция трансляции специализированного знания на язык обыденного сознания. На современном этапе, функцию транслятора культурных смыслов выполняет массовая культура, которая становится системой «по “растолковыванию” <...> информации ее потребителю, определенной «инфантилизации» ее образных воплощений, а также «управлению» сознанием и потребностями массового потребителя в интересах производителя этой информации, предлагаемого товара, услуг и т. п.» (Флиер, 2008: 244). Таким образом, важнейшей функцией массовой культуры в информационном обществе становится трансляционная функция, под которой мы понимаем роль массовой культуры в процессе однонаправленной передачи информации от источников, владеющих специализированным знанием, к получателю — массовой аудитории, происходящей при синхронической коммуникации.

Итак, функциональный анализ массовой культуры показывает, что в информационном обществе она становится важнейшей культурной формой, способствующей рекреации, социализации, адаптации индивида к социальным изменениям, она формирует в массах представления о ценностях, является проводником идеологии и транслятором специализированного знания от источников, владеющих специализированным знанием, к получателям — массовой аудитории.

### *СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ*

- Барт, Р. (1975) Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс.
- Барт, Р. (1989) Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М. : Прогресс.
- Барт, Р. (2001) S/Z. М. : Эдиториал УРСС.
- Бахтин, М. М. (1990) Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература.
- Гирц, К. (1998) Идеология как культурная система // НЛЮ. № 29. С. 10–13.
- Дюркгейм, Э. (2007) Социология образования. М. : Директ-Медиа.

Жижек, С. (1999) Возвышенный Объект Идеологии. М. : Художественный Журнал.

Ковалева, А. И. (2004) Социализация // Знание. Понимание. Умение. 2004. №1. С. 139–143.

Костина, А. В. (2004) Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М. : Эдиториал УРСС.

Кули, Ч. (1994) Социальная самость // Американская социологическая мысль: Тексты. М. : Изд-во Моск. ун-та.

Луков, А. В. (2008) Культурная социализация [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». № 3 — Социология. URL: [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/3/Lukov\\_AV/](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/3/Lukov_AV/) [архивировано в WebCite] (дата обращения 28.04.2014).

Маркс, К. (1960) Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. : в 50 т. Т. 23. М. : Госполитиздат.

Мид, Дж. (1994) Аз и Я // Американская социологическая мысль: Тексты. М. : Изд-во Моск. ун-та.

Негодаев, И. А. (2003) Информатизация культуры. Ростов-н/Д : ЗАО «Книга».

Орлова, Э. А. (1984) Динамика культуры и целеполагающая активность человека // Морфология культуры: Структура и динамика. М. : Наука.

Парсонс, Т. (2002) О социальных системах. М. : Академический проект.

Ромм, М. В. (2003) Социальная адаптация личности как объект философского анализа : дис. ... д-ра филос. наук. Томск.

Тард, Г. (1892) Законы подражания. СПб.

Флиер, А. Я. (2008) Некультурные функции культуры. М. : МГУКИ.

Фромм, Э. (1966) Человек одинок // Иностранная литература. № 1.

Хорина, Г. П. (2007) Идеология в системе культуры. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса.

Шюц, А. (1988) Структура повседневного мышления // Социологические исследования № 2. С. 129–137.

Щедровицкий, Г. П. (1995) Избранные труды. М. : Шк. культ. полит.

*Кожаринова Анна Ростиславовна* — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета. Эл. адрес: [anna\\_adv@inbox.ru](mailto:anna_adv@inbox.ru)

*Kozharinova Anna Rostislavovna*, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Culturology and Politology, Moscow University for the Humanities. E-mail: [anna\\_adv@inbox.ru](mailto:anna_adv@inbox.ru)

## **ШЕКСПИРИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ**

*Б. Н. Гайдин*

### **Shakespearisation in Contemporary Cinema**

*B. N. Gaydin*

*Аннотация.* В статье представлены несколько примеров из современного кинематографа, в которых проявлены черты шекспиризации. Автор высказывает свою точку зрения на данный художественно-эстетический процесс, который в современном контексте приобретает новые формы, позволяющие говорить о феномене неошекспиризации в мировой художественной культуре.

*Ключевые слова:* шекспиризация, неошекспиризация, художественно-эстетические процессы, современный кинематограф, У. Шекспир, Шекспир в современном кино, пьеса в фильме.

*Abstract.* The article presents several examples from contemporary cinematography that have traits of Shakespearisation. The author expresses his point of view on this artistic and aesthetic process that acquires new forms in modern context. Thus, it can be argued that there is the phenomenon of Neo-Shakespearisation in the world artistic culture.

*Keywords:* Shakespearisation, Neo-Shakespearisation, artistic and aesthetic process, contemporary cinematography, W. Shakespeare, Shakespeare in contemporary cinema, the play within the film.

Статья выполнена в рамках проекта «Неошекспиризация в современной художественной культуре», осуществляемого при поддержке Совета по грантам Президента РФ (МК-1865.2013.6).

Историки кинематографа и профессиональные шекспироведы неустанно пополняют свои исследовательские списки новыми экранизациями произведений У. Шекспира, а также работают над выявлением шекспировских аллюзий, реминисценций, скрытых и прямых цитат из его пьес, сонетов и поэм. В течение последних нескольких десятилетий бурно развивающиеся новые информационные технологии открыли для исследователей огромные возможности для поиска и ознакомления не только с новыми и старыми кинематографическими версиями его знаменитых «великих» и менее известных трагедий, комедий, трагикомедий, исторических хроник, сонетов и поэм, чаще всего рассчитанными на широкий круг зрителей, но и различными переделками, носящими разнообразный национальный, региональный или субкультурный колорит, который

значительно усложняет их анализ представителями иных национальностей и социокультурных общностей<sup>1</sup>.

Феномен шекспировскеры в контексте кино и телевидения представляет собой сложный предмет для изучения как в качественном, так и количественном аспекте. Так, согласно Книге рекордов Гиннеса Шекспир является самым часто экранизированным автором в мире: на октябрь 2014 г. известны как минимум 420 полнометражных художественных фильмов и телефильмов, снятых по пьесам и сонетам Барда. Лидирует трагедия «Гамлет» (79 версий), за ней следует «Ромео и Джульетта» (52), замыкает тройку лидеров «Макбет», экранизированный 36 раз (см.: Lynch, 2014; The Guinness Book ... , 1998: 358; Pearson, 2004: 92; Nesbit, 2012).

Статус рекордсмена и появление достаточно большого числа шекспировских и «околошекспировских» фильмов, видео и телевизионных программ каждый год подтверждает и тот факт, что с начала сбора статистики для расчета т. н. STARmeter rank (15 марта 1998 г.), осуществляемого специалистами крупнейшей в мире базы данных о кинематографе, телевизионных продуктах и видео-играх Internet Movie Database (IMDb), рейтинг У. Шекспира вырос на 9836 пунктов. STARmeter rank рассчитывается на основе поведенческого анализа пользователей данного ресурса (число обращений к информации, касающейся того или иного автора и т. п.). При всей кажущейся относительности данного рейтинга, сложно обвинить его создателей предвзятости, поскольку, по их словам, рейтинг создают не небольшие (зачастую ангажированные) группы экспертов и критиков, а более 160 млн посетителей интернет-ресурса в месяц (What are STARmeter ... , электр. ресурс).

На 9 октября 2014 г. драматург занимал в рейтинге 10393 место. Конечно, для фигуры такого масштаба как У. Шекспир такое место может показаться довольно низким. Однако «неконкурентоспособность» драматурга в данном рейтинге можно объяснить тем, что пользователи значительно чаще обращаются к данным о популярных в данный момент актерах и режиссерах, посмотрев какой-либо фильм и нуждаясь в дополнительной информации о творчестве и карьере того или иного деятеля киноискусства. Тем не менее среди писателей Бард занимает достаточно высокое место. Для сравнения Ф. М. Достоевский получил 21548 место, А. П. Чехов — 38882 место, А. С. Пушкин — 101874 место, Л. Н. Толстой — 35659; Дж. Р. Р. Толкин — 15702, Дж. Роулинг — 6685 место, а Агата Кристи — 11121 место (данные на октябрь 2014 г.).

9 октября 2014 г. в базе данных насчитывалось 1127 записей и 1780 новостных статей, связанных с Шекспиром. У опережающей его в рейтинге Дж. Роулинг, к примеру, всего 72 записи, но 3125 связанных новостей.

Очевидно, что охватить такое количество фильмов и иных продуктов экранной культуры в рамках одного научного труда практически невозможно.

---

<sup>1</sup> См., например, описание следующих шекспировских интернет-проектов и баз данных, посвященных сбору и консолидации информации о Шекспире в национальных кинематографах: Welcome ... , электр. ресурс; The Taiwan Shakespeare Database ... , электр. ресурс; и др.

Таким образом, перед каждым исследователем проблемы «Шекспир на экране» встает вопрос отбора материала для анализа. Чаще всего выбирается какой-либо временной отрезок истории кинематографа и телевидения или та или иная национальная, региональная или др. традиция. Данный подход при всей своей целесообразности для исторических работ имеет, на наш взгляд, некоторые недостатки для культурологических и культурно-философских изысканий, поскольку несколько ограничивает и мешает представить более широкую и полную картину происходящего в данной области культуры.

Во многих киноведческих работах и научных публикациях используется термин «мировое кино» (*world cinema*), в который зачастую вкладывается разный смысл. Некоторые исследователи понимают под ним кинопродукцию, отличную от создаваемой в их странах и на их языке, то есть снятую в иной культурной и национальной традиции. Другими словами, в этом случае нужно четко различать «свое» и «чужое». При таком подходе для носителя, например, русской культуры фильм «Гамлет» режиссера Кеннета Браны (*Kenneth Branagh*) — «мировое кино», тогда как для британцев и американцев он таковым уже не является. Таким образом, в этом случае феномен кино рассматривается субъективно и в, конечном итоге, любой фильм можно рассматривать как часть «мирового кино».

Эту проблему в контексте шекспировских экранизаций поднимает, к примеру, Кевин Муррей (*Kevin Murray*) (см.: Murray, 2013). Он отмечает, что некоторые исследователи [например, Стефани Деннисон (*Stephanie Dennison*), Сонг Хви Лим (*Song Hwee Lim*)] предпочитают говорить о том, что данный термин вряд ли получит когда-нибудь четкое и обоснованное определение. Люция Нагиб (*Lúcia Nagib*) высказала мнение, что достоинство термина в том, что он предполагает «концептуальную гибкость», которая позволяет многим использовать его в своих научных текстах без особых опасений совершить методологическую ошибку. Таким образом, многие предпочитают использовать эту модель, но пытаются обосновать применение данного термина к предмету своих исследований (*Ibid*: 370).

Далее К. Муррей приводит и критикует ряд работ, в которых авторы все же пытаются представить свою точку зрения на решение данного вопроса. Так, Джеффри Ноуэлл-Смит (*Geoffrey Nowell-Smith*) во введении к «Оксфордской истории мирового кино» (*The Oxford History of World Cinema*, 1996) считает, что «мировое кино» подразумевает, что данная аудио-визуальная продукция была снята не в США, а точнее не в Голливуде. Он аргументирует свое мнение спорным тезисом о том, что все остальные кинематографические центры значительную часть своей истории находят в попытках конкурировать с доминированием «американского монстра». Точка зрения о бесконечной «борьбе» Голливуда и других центров кинопроизводства вряд ли подойдет для описания абсолютно всех персональных моделей (см.: Луков, 2006; 2008; 2010a) кинорежиссеров и актеров, поскольку многие из них обращаются одновременно как к традициям собственных национальных кинематографов, так и к традициям

Голливуда, пытаясь выработать свой уникальный «почерк» на их стыке. Более того американский кинематограф не является каким-то архетипом по отношению ко всем остальным, поскольку некоторые другие кинематографические практики возникли раньше, а некоторые и в изоляции от него (Murray, 2013: 370).

К. Муррей справедливо замечает, что исследования каких-то конкретных национальных кинематографических традиций (см., например: Hayward, 1993; O'Regan, 1996; Sorlin, 1996; Street, 1997; Hake, 2002; Haltof, 2002; Gillespie, 2003; Zhang, 2004; Sungsi, 2008; и мн. др.) также не лишены недостатков в теоретическом аспекте, так как и внутри национального кинематографа могут быть выявлены целый ряд «подводных течений» (например, индийское кино). Более того, рассматривая феномен кино лишь на национальном уровне, можно тем самым допустить, что государство-нация есть некое замкнутое географическое пространство, отделенное от других государств физическими границами, которые позволяют достаточно легко говорить о «формах целостности, будь то стилистических, идеологических или культурных» (“forms of cohesiveness — whether stylistic, ideological, or cultural” (Murray, 2013: 371); здесь и далее, если не указано иное, перевод наш. — Б. Г.). Однако авторы целого ряда научных работ, посвященных этому вопросу, доказывают, что национальные кинематографы не могут быть чем-то неизменным и неподверженным внешнему влиянию (см., например: Crofts, 2000; Theorising National Cinema, 2006; Steele, 2012). Сложно представить, что даже в государствах закрытого типа представители киноиндустрии вообще не обращаются к мировому опыту. В большинстве же стран в эпоху глобализации, интеграции рынков и стремительного развития сферы электронных коммуникаций говорить о специфике национального кино все сложнее, поскольку даже если съемочная группа не представляет собой интернациональную команду (а это происходит все чаще), а состоит из носителей одной национальной культуры, сложно говорить, какова была степень влияния на нее «глобального культурного котла».

Тем не менее пока, конечно, рано говорить о конце национального кинематографа. Даже с практической точки зрения большая часть кинопродукции (даже снятой т. н. независимыми режиссерами) все же имеет свою целевую аудиторию, поэтому должна в той или иной степени представлять для нее интерес, быть если и не полностью «своей», то, по крайней мере, в чем-то близкой и понятной. Чаще всего, по всей видимости, для этого используется «национальный колорит», в котором происходит действие фильма.

К примеру, можно с большой степенью уверенности говорить, что фильм по столь любимой индийцами «Ромео и Джульетте» У. Шекспира будет им понятнее, если герои будут не только говорить на их родном языке, но и будут жить в схожих/знакомых условиях. Таково свойство человеческой природы, которое может быть легко объяснено, например, с позиций тезаурусного подхода (см., например: Луков, Вал., Луков, Вл., 2004; 2008; 2013; 2014а; Биченко, Луков, Ретунских, 2014).

Конечно, особый национальный и культурный антураж также может заинтересовать и представителей народов других стран с иными традициями и с иной спецификой восприятия происходящего на экране. В этом случае чаще всего используется особые приемы, которые помогают соединить нечто «чужое» и неизведанное со «своим» уже хотя бы отчасти знакомым, тем самым привлечь и удержать внимание зрителя. Чаще всего «своим» в этом случае будет сюжет, мотивы, аллюзии, отсылающие к каким-то широко известным историческим событиям или классическим произведениям мировой культуры. К примеру, С. Принс (*Stephen Prince*) в своем исследовании, посвященном феномену Акиры Куросавы, отмечал, что многие использованные режиссером в киноработах приемы и образы «сделали его фильмы, пожалуй, слишком близкими, особенно для тех, на кого оказала большое влияние продукция Голливуда» (“...helped make his films seem perhaps too familiar, especially if one feels he has been largely influenced by Hollywood productions” [Prince, 1991: XV–XVI. Цит. по: Bernardi, 1991: 575]). Возможно, во многом поэтому его называют «самым западным» режиссером Японии, а японские критики отмечают, что это «западничество» и сделали его фильмы известными во многих уголках мира (см.: Murray, 2013: 372).

Использование вечных образов дает возможность режиссеру найти точки соприкосновения, столь необходимые для полноценного диалога со зрителем. Обращение к литературе всемирного масштаба безусловно способствовало росту популярности фильмов А. Куросавы как в Японии, так и во многих других странах, где наследие драматурга вошло в «кровь и плоть» национальной культуры: «Шекспировские образы в японской интерпретации, в соответствии с эффектом остранения, произвели огромное впечатление не только на восточного, но и на западного зрителя» (Луков Вл., Луков М., 2009: Электр. ресурс).

Пример А. Куросавы, по мнению К. Муррейя, говорит о том, что «мировое кино связано с проблемами качества, мастерства и индивидуального творческого почерка режиссера» (“...world cinema has been closely bound up with issues of quality, artistry, and the auteur director’s self-expression”) (Murray, 2013: 372). Поскольку кино является продуктом, который продается и покупается, существуют специальные сетевые организации, которые занимаются продвижением кинопродукции на мировом рынке. Один фильм может хорошо продаваться в одной стране, но совершенно не привлекать внимания зрителей в другой, перед промоутерами встает проблема оценки потенциала той или иной кинокартины, чтобы при необходимости производить своеобразный ребрендинг для более конкретной целевой аудитории. Представляется, что здесь сложно обойтись без помощи профессиональных киноведов, критиков и историков кино, поскольку теперь необходимо учитывать все большее количество факторов разного уровня (национального и наднационального, регионального и надрегионального, субкультурного и поликультурного и т. д.), которые могут привлечь потенциального зрителя. При всей сложности и специфике анализа современного кино глобализирующегося мира исследователи группируют фильмы с уче-



том т. н. национальной идентичности, авторского этоса и принципов тех или иных культурных движений и направлений, к которым апеллируют их авторы. То есть в расчет принимается «территориальное, стилистическое и идеологическое сходство» (“territorial, stylistic and ideological affinity”) художников авторского кино (см.: Ibid). К примеру, по этому принципу выделяются такие направления, как «Британская новая волна», «Югославская черная волна», «Итальянский неореализм», «Догма 95», «Третий кинематограф» и т. д.

В итоге К. Муррей приходит к выводу, что описать столь сложный и разнообразный феномен как мировое кино в рамках одного труда — крайне непростая задача. Очевидно, что ни один из них не может претендовать на абсолютную полноту. Тем не менее новые информационные технологии открывают перед исследователями мирового кинематографа все большие возможности для поиска, анализа, сопоставления и т. п.

Это достаточно хорошо показывает довольно значительный рост количества научных работ, посвященных изучению Шекспира в мировом кинематографе. Если раньше преобладающая их часть была посвящена англоязычным экранизациям шекспировских произведений, то теперь постепенно растет и число исследований, сфокусированных на примерах их иноязычных интерпретаций (Ibid: 373)<sup>1</sup>.

Как отмечает К. Муррей, в этих работах преобладает формалистский подход, т. е. содержание фильма сравнивается с текстом (или текстами) Шекспира. При этом «Шекспир здесь мыслится как культурная константа, источник вечно актуальных и привлекательных текстов, которые прекрасно сочетается с авторским кино в процессе аполитичного, межнационального сотворчества» (“Shakespeare, here, is imagined as a cultural constant, the source of immortally relevant and engaging texts which neatly fuse with an auteur’s cinema in an act of apolitical, international coauthoring.”) (Murray, 2013: 374).

Наряду с формалистской теорией кино используются и более сложные теории (к примеру, феминистическая, марксистская, структуралистская, психоаналитическая, постколониальная, аппаратная, теория авторского кино и др.). В рамках данной работы мы не будем подробно останавливаться на разборе каждой из них, однако даже поверхностный взгляд на литературу по данной проблематике позволяет говорить о том, что каждая из теорий имеет как свои сильные, так и слабые стороны (см., например: *Film Theory and Criticism*, 1974; Lapsley, Westlake, 1988; Easthope, 1993; *Film Theory and Philosophy*, 1997; Stam, 2000; *A Companion to Film Theory*, 2004; *Film and Theory*, 2011; Cooper, 2013; Colman, 2014; *The Routledge Encyclopedia of Film Theory*, 2014). Многие из возникших за последние 50–60 лет подходов слишком сложны для понимания,

---

<sup>1</sup> К. Муррей приводит мнение Грэма Холдернесса (*Graham Holderness*), который в 1992 г. писал о своеобразном «пантеоне» режиссеров, который возник в шекспироведении: Питер Брук (*Peter Brook*), Питер Холл (*Peter Hall*), Григорий Козинцев, Акира Куросава (*Akira Kurosawa*), Лоуренс Оливье (*Laurence Olivier*), Роман Полански (*Roman Polanski*) and Орсон Уэллс (*Orson Welles*) (см.: Holderness, 1992: 64). Теперь же внимание исследователей привлекают работы и менее известных режиссеров из самых разных стран.

иногда противоречивы. Возможная причина — исследователи стали применять терминологию и идеи философских, психологических, антропологических, литературных и др. концепций, дисциплин и исследовательских практик, пытаясь преодолеть доминирование т. н. авторской теории кино<sup>1</sup> с ее чрезмерным, с их точки зрения, вниманием к личности режиссера, анализу его художественного замысла и индивидуального почерка в той или иной картине. [Отметим, что и эта теория не лишена изъянов: она не учитывает возможное влияние и вклад сценаристов, операторов-постановщиков, актеров — т. е. по сути всей съемочной группы. К примеру, спор о том, каково влияние сценариста или группы сценаристов на процесс создания фильма, вылился в создание *Schreiber theory* («Авторско-сценаристская теория»), выдвинутой в 2006 г. Дэвидом Кипеном (*David Kipen*) (Kipen, 2006)].

Таким образом, при изучении феномена шекспиросферы возникает вопрос не только о том, что изучать (проблема выработки критериев отбора материала), но и о том, как изучать (проблема методологии). Кинокритик Роджер Эберт (*Roger Ebert*) назвал современную научную дисциплину «теория кино» (*film theory/cinema studies*) «ужасной мистификацией для студентов, по существу научным эквивалентом культа Нового века (Нью Эдж), в рамках которой был изобретен новый язык, используемый исключительно экспертами» (“a cruel hoax for students, essentially the academic equivalent of a New Age cult, in which a new language has been invented that only the adept can communicate in”) (цит. по: Metz, 2004: 3). Все это привело к тому, что некоторые студенты сталкиваются с трудностями при изучении теории кинематографа<sup>2</sup>.

На наш взгляд, значительной степенью эвристичности применительно к изучению культуры и кинематографа как ее составной части обладает концепция тезаурусных сфер, выдвинутая в рамках тезаурусного подхода Вл. А. Луковым (Луков, 2014). Основные ее положения были сформулированы применительно к феномену шекспиросферы (см.: Луков Вал., Захаров, Луков Вл., 2012; Луков Вал., Захаров, Луков Вл., Гайдин, 2012; Лисович, Макаров, 2014; Луков Вал., Луков Вл., 2014b), под которым мы понимаем концептосферу, связанную с У. Шекспиром. Тем не менее представляется, что данная концепция может дать результаты и при изучении творчества других персоналий и явлений.

Концепция тезаурусных сфер исходит из тезиса об условной равноудаленности от центра всех точек слоя той или иной сферы, из которого следует парадокс «равной ценности» наполняющих ее феноменов (Луков, 2014: 311). Таким образом, данная концепция предполагает, что в шекспиросфере любой фильм самого неизвестного режиссера, который по той или иной причине ис-

<sup>1</sup> Теория была главным образом разработана авторами французского журнала о кино *Les Cahiers du cinéma* («Кинематографические тетради») Андре Базеном (*André Bazin*), Александром Астрюком (*Alexandre Astruc*), Франсуа Трюффо (*François Truffaut*), Жан-Люком Годаром (*Jean-Luc Godard*).

<sup>2</sup> См., например, описание экзаменационных вопросов по теории кино, которые предлагались в Калифорнийском университете в Санта-Барбаре (США): Weddle, 2003.

пользовал ту или иную часть характерных, к примеру, для шекспиризации элементов, является равноценным самым известным и ставшим классическими примерам использования и/ли интерпретации шекспировского наследия.

Казалось бы, такой подход ничего нам не дает для методологии отбора. Ведь получается, что можно выбрать любой феномен (в случае шекспировского кинематографа — любой фильм): «Эта полнота охвата (конечно, лишь тезаурусная полнота, об объективной полноте речи не идет) включает в себя, по парадоксу “равной ценности”, и важное, и неважное, и высокое, и низкое, и реальное, и виртуальное» (там же: 313).

Однако этот принцип говорит нам о том, что в силу специфики тезаурусов различных уровней с ходом времени понимание того или иного фильма, отношение к той или иной режиссерской концепции и т. п. может изменяться, иногда радикально. В силу различных факторов те или фильмы, которые в настоящее время могут расцениваться как «малозначительные», «маргинальные», даже неприемлемые, могут вполне в какой-то момент выйти «из тени» и попасть в центр внимания и даже стать «классическими» для той или иной части социокультурной общности. К примеру, какой-то современный режиссер сейчас известен только в узких кругах, но через десять лет его популярность может значительно вырасти, а, скажем, через пятьдесят лет он может превратиться в «культовую фигуру» для большого количества людей по всему миру или даже в культурную константу.

Чем более обширны наши знания о той или иной тезаурусной сфере, которое представляет собой «специализированное образование культурного тезауруса (всеобщего, общего, группового, индивидуального), группирующее с максимально возможной полнотой информацию об одной из констант центра тезауруса» (там же: 322), тем глубже наше понимание культурных процессов, специфики их возникновения и эволюции. Поскольку «в любой момент своего бытия культурная константа конкретна, но конкретность эта тезаурусна, т. е. связана с актуальной в данное время и в данном месте картиной мира и соотносится с присущей данному ориентационному комплексу системой ценностей и норм» (Луков Вал., Луков Вл., 2014b: 200), то важно изучение тех феноменов культуры, которые наиболее ярко свидетельствуют об изменениях в данной картине мира.

Ни один исследователь, ни один научный коллектив не способен охватить тезаурусную сферу во всем ее многообразии и полноте. Тем не менее чем больше тех или иных феноменов культуры будет описано и проанализировано вне зависимости от их значимости и ценности в тот или иной период для различных групп людей, чем больше будет доступной информации о них, тем лучше будут осмыслены те или иные константы культуры как социокультурные ориентиры (см., например: Степанов, 2004; Шекспировские штудии XI, 2009; Гайдин, 2009; 2011; 2012), а значит и Происходящее в мире (см., например: Ильинский, 2006).

Поскольку «среди сфер в тезаурусе выстраивается определенная иерархия» (Луков, 2014: 322), изучение тезаурусных сфер, охватывающих знания о

наиболее значимых константах мировой культуры, является наиболее важным и перспективным. Очевидно, что Шекспир — одна из таких тезаурусных констант, требующих особого внимания в силу ее масштабности, культового статуса и распространенности по всему миру: «Шекспиросфера, как и персональные сферы небольшого числа властителей дум целых народов и эпох, а иногда и всего человечества, обладает особым свойством кристаллизации культурных содержаний и форм» (Луков Вал., Луков Вл., 2014b: 205).

Таким образом, мы осуществляем попытку проанализировать ряд примеров интерпретаций Шекспира и его произведений в современном кинематографе, исходя из вышеизложенных положений концепции шекспиросферы. Некоторые из них достаточно широко известны, другие известны гораздо более ограниченному кругу зрителей. На наш взгляд, использование концепций шекспиризации и шекспиризма, неошекспиризации и неошекспиризма (см.: Захаров, 2008; 2009b; Луков, Захаров, Гайдин, 2010; Захаров, Луков, 2011b; в статьях: Захаров, 2006; 2007; 2009ac; 2011; Захаров, Луков, 2009ab; 2011a; Луков, 2010bcde; 2011ab; Луков, Захаров, 2008abc; 2012; Гайдин, 2013; Гайдин, Кислицын, 2013; и др.) для подобного анализа способно помочь, с одной стороны, соблюсти принцип равноценности рассматриваемых феноменов, а с другой стороны, избежать крайней формы субъективности и произвольности выбора объектов исследования.

Рассмотрим несколько примеров из современного кинематографа, являющихся значимой частью шекспиросферы. В силу своей зрелищности и игрового характера аудиовизуальные виды искусств в настоящее время явно доминируют в большинстве стран мира (см., например: Познин, 2009: 8; Казючиц, 2011; Николаева-Чинарова, Геращенко, 2014). На наш взгляд, шансы вхождения Шекспира и его наследия в тезаурус большинства людей посредством экранной культуры сегодня если и не выше, то никак не ниже, чем непосредственно через обращение к его оригинальным произведениям и другим книжным источникам или через посещение театральной постановки.

Довольно распространенный для шекспиросферы прием «пьеса в фильме» использован в кинокомедии «Гамлет 2» американского режиссера Эндрю Флеминга (*Andrew Fleming*), вышедшей на экраны в 2008 г. Сценарий фильма написал сам режиссер совместно с Пэм Брэди (*Pam Brady*).

Главный герой фильма — незадачливый преподаватель актерского мастерства Дана Маршз (Стив Куган/*Steve Coogan*). Его актерская карьера не сложилась и судьба забрасывает его в Тусон (штат Аризона), в котором он решает заняться обучением студентов, чтобы передать им свою «любовь к сценическому мастерству». Его финансовое положение оставляет желать лучшего: вместе с женой они вынуждены делить съемный домик с совершенно посторонним человеком, даже на работу он добирается на роликах. Его факультативный курс не пользуется большой популярностью: у него всего два преданных студента, Рэнд Позин (Скайлар Эстин/*Skylar Astin*) и Эпифани Сэлларс (Фиби Строл/*Phoebe Strole*). Несмотря на все усилия и энтузиазм их постановка по мо-

тивам фильма «Эрин Брокович» не находит понимания у немногочисленной аудитории. Рецензия в местной газете доводит Дану до истерики, он пытается выяснить у местного критика, 12-летнего подростка по имени Ной Сапперштайн (Ши Пепе/*Shea Pepe*), что ему нужно поставить, чтобы наконец угодить ему. Тот советует ему поставить что-то более оригинальное, чем театральную версию телевизионного шоу или фильма. К удивлению Даны и его подопечных в новом триместре к ним присоединяется большая группа студентов, большая часть из которых латиноамериканцы. Очевидно, что они совершенно не интересуются театром, а пришли только из-за того, что это один из немногих оставшихся факультативов. Дана вынужден искать подход к новым подопечным, использовать ненормативную лексику, вступать в словесные перепалки с главным мачо группы Октавио Маркесом (Джозеф Джулиан Сория/*Joseph Julian Soria*). К примеру, он играет значениями слова “bottom”, которое означает как «пятую точку», так и персонажа шекспировской комедии «Сон в летнюю ночь» Основу:

**DANA**

You know, I'd like to see your Bottom.

**OCTAVIO**

Like to see my what?

**DANA**

I'd like to see your Bottom. I mean, your portrayal of Bottom in *A Midsummer Night's Dream*. It's written by a buddy of mine, you may have heard of him, William Shakespeare. Yeah, he liked to goof around, but most of the time he was serious. Because he, like I, believed that theater has the power, not only to transform the actor, but also the audience.

Директор школы Рокер (Маршалл Белл/*Marshall Bell*) сообщает, что Совет принял решение со следующего триместра закрыть его курс, поскольку еще никто из его учеников не стал оскароносцем. Дана поправляет его, что они бы получили театральную премию «Тони». Рокер не видит большой разницы и отвечает, что смотрел его постановки и отсутствие его курса в программе не нанесет их заведению большого урона.

Тем не менее Дана не сдаётся, он даже готов попробовать найти шесть тысяч долларов, чтобы «спасти драму». Ной вновь советует ему как-то привлечь зрителя. Дана рассказывает ему, что у него есть задумка пьесы о своем детстве под названием «Гамлет 2». Критик говорит ему, что продолжение шекспировского «Гамлета» уже неплохая идея и что нужно сосредоточиться на содержании, а вопрос с финансированием решится сам собой, если у спектакля будет успех. Дана с энтузиазмом садится за работу над сценарием пьесы и за 47 часов в муках творчества создает свой «шедевр, который спасет драму». На вопрос своей жены Бри (Кэтрин Кинер/*Catherine Keener*) о том, разве не все герои умирают в конце

шекспировского «Гамлета», Дана отвечает, что придумал «прием» — использовать «машину времени».

Дана и ученики начинают разбирать его новую пьесу, которая полна вульгарностей, языковых инвектив и т. п. По сути, пьеса Даны представляет собой травестийную переделку «Гамлета», в которой Иисус Христос предлагает принцу Датскому воспользоваться «машинной времени», чтобы вернуться в прошлое и изменить ход событий. Иисус здесь изображен в традициях нашумевшей в свое время рок-оперы «Иисус Христос — суперзвезда». Даже некоторые студенты между собой переговариваются на испанском, предполагая, что из-за участия в этой пьесе могут попасть в ад. Все это приводит к тому, что некоторые родители учеников запрещают им участвовать в ней. К примеру, отец Октавио замечает, что концепция Даны уничтожает трагедию оригинала. На это новоиспеченный драматург отвечает, что не согласен с тем, что у Шекспира всем приходится погибать и что у каждого должен быть второй шанс.

Вдобавок к этому Рэнд уходит из постановки (поскольку его задело, что Дана сократил его роль и превратил его Лаэрта в представителя ЛГБТ-сообщества) и относит текст пьесы Рокеру. Дана лишается возможности ставить пьесу в учебном заведении. Однако все участники уже настолько заинтересовались процессом постановки, что даже, когда их режиссер не выдерживает из-за целой череды неприятностей (его лишают работы, жена уходит от него, Рокер грозит ему расправой, если тот продолжит привлекать внимание к своей постановке) и готов сдаться, они полны решимости довести начатое до конца. И им это удается: несмотря на протесты родителей, все попытки запретить и сорвать премьеру, которые только увеличивают ажиотаж, постановка проходит с аншлагом и у большинства вызывает восторг. Постановку Даны приглашают даже на подмостки Бродвея.

Возвращаясь к «пьесе в фильме», отметим, что ее сюжетный нарратив построен на мотиве прощения: Иисус призывает Гамлета простить отца, из-за которого тот вынужден столько страдать. Воспользовавшись «машинной времени», принц вырывает у Гертруды кубок с отравленным вином и примиряется с ней, затем сражается с Лаэртом, ломает его «световой меч» [англ. lightsaber; отсылка к фантастической саге «Звездные войны» Джорджа Лукаса (*George Lucas*)], но прощает соперника и они обнимаются, спасает Офелию при помощи искусственного дыхания и предлагает ей руку и сердце. Наконец Призрак просит Гамлета простить его, тот плачет и выполняет наказ Иисуса. Пьеса заканчивается сценой «распятия» Христа, который прощает своего Отца.

Интересно, что в итоговом варианте фильма оказалось намного больше отсылок к Шекспиру и его творчеству, чем в обнаруженном нами сценарии, датированном 30 июня 2006 г. (*Hamlet 2 ...*, электр. ресурс). Таким образом, можно предположить, что создатели фильма попытались увеличить количество отсылок к Шекспиру, число аллюзий на его творчество и т. п. При всем пародийном и фарсовом характере пьесы Даны мотив всепрощения придает ей не-

которую обоснованность, поскольку в некоторой степени отражает традицию христианских трактовок содержания шекспировской трагедии<sup>1</sup>.

В целом же комедия «Гамлет 2» достаточно хорошо показывает многие культурные и социальные проблемы современной культуры США и многих других стран мира («скрытый» расизм, мнимая политкорректность, религиозное ханжество и мракобесие, контрастирующие с сексуальной раскрепощенностью и низким уровнем морали; сокращение финансирования гуманитарных дисциплин и искусства в образовании и т. д.). Так, Дэвид Халбфингер (*David Halbfinger*) отметил, что фильм не только «раскритиковал христиан, геев, латиноамериканцев, евреев, Американский союз борьбы за гражданские свободы и Элизабет Шу <...>, но также смог разрушить сквозную для фестиваля (Sundance Film Festival. — Б. Г.) тему смертельно опасного оптимизма» (“...it made sure to take shots at Christians, gays, Latinos, Jews, the American Civil Liberties Union and Elisabeth Shue, <...> — also managed to subvert the festival’s running theme of death-defying optimism”) (Halbfinger, 2008: Электр. ресурс).

Вместе с тем, на наш взгляд, сложно представить, что перед съемочной группой стояла задача обратить внимание зрителей на эти проблемы. Основная задача кинокомедии — развлекать и смешить людей. Во многом только хотя бы некоторые знания шекспировского творчества способны помочь раскрыть в «Гамлете 2» дополнительные смыслы. Для большинства же зрителей этот фильм — всего лишь один из многих тысяч комедий, выпускаемых на «конвейере» Голливуда по стандартным шаблонам (см., например: BobbyKei, 2009; Вурге, 2008) с многочисленными прямыми и косвенными аллюзиями на популярные фильмы, мюзиклы и т. д. («Общество мертвых поэтов», «Опус мистера Холланда») (Ebert, 2008). Неудивительно, таким образом, что фильм не приобрел большой популярности у зрителей (см., к примеру: Saffron Burrows, 2013) и получил умеренные отзывы кинокритиков.

В 2009 г. на экраны вышел независимый фильм «Розенкранц и Гильденстерн, восставшие из мертвых» / «Розенкранц и Гильденстерн не мертвы» (*Rosencrantz and Guildenstern Are Undead*) сценариста и режиссера Джордана Галланда (*Jordan Galland*). Слоган фильма: «Не дай своей бывшей подруге высосать из себя жизнь» (“Don’t Let Your Ex-Girlfriend Suck the Life Out of You”). Название отсылает нас как к шекспировскому «Гамлету», так и к известной абсурдисткой трагикомедии Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы», которая является своеобразным переосмыслением шекспировской трагедии. Слово “undead” часто используется в названиях фильмов о вампирах, зомби и прочей так называемой нежити, т. е. «живых мертвых». Таким образом, в результате получилась некая достаточно странная смесь фольклорно-мифологических рассказов о вампирах, легенды о Святом Граале, шекспировского «Гамлета» и более поздних переделок «великой трагедии».

---

<sup>1</sup> См., например, нашу работу: Гайдин, 2008.

В фильме также как и в «Гамлете 2» использован прием «пьеса в фильме». Фильм повествует о жизни молодого человека по имени Джулиан Марш (Джейк Хоффман/*Jake Hoffman*), который живет с отцом (Джером Герберт «Чип» Зин/*Jerome Herbert "Chip" Zien*), зарабатывающим на жизнь врачебной практикой. Молодой бездельник в основном занимается тем, что водит к себе девушек на одну ночь, чтобы утром забыть о них. В конце концов отец не выдерживает и заявляет ему, что пора найти какую-нибудь работу и предлагает пойти на собеседование: экспериментальному театру требуется режиссер для постановки «Гамлета». Джулиан не в восторге от этой идеи, но ему ничего не остается делать, поскольку отец намекает ему, что в противном случае придется поискать себе другое жилье. В результате он идет в театр и попадает в довольно экстравагантную труппу, которая ставит пьесу под названием *Rosencrantz and Guildenstern Are Undead*. Ее автор — Тео Гораций (Джон Вентимилья/*John Ventimiglia*), экстравагантный писатель с неестественно бледным цветом лица, который будет играть роль Горацио. Не придав значения всем странностям и тому факту, что как раз накануне в этом театре была убита актриса, Джулиан не только сам берется за эту работу, но и предлагает своего друга Винса (Крис Лемке/*Kris Lemche*) на роль Гамлета. Получив новую работу, он также надеется произвести впечатление на свою бывшую девушку Анну (Девон Эдвенна Аоки/*Devon Edwenna Aoki*), которая ушла от него к «крутому» и богатому парню по имени Бобби Бианчи (Ральф Джордж Маккио Младший/*Ralph George Macchio Jr.*).

Тем не менее после того, как она по настоянию Тео получила роль Офелии в этой постановке, их отношения постепенно налаживаются. Роли Розенкранца и Гильденстерна играют Карло (Карлос Веласкес/*Carlos Velazquez*) и Мики (Майк Лэндри/*Mike Landry*), неотесанные и самовлюбленные актеры, которые и в жизни в чем-то напоминают двух «друзей» шекспировского Гамлета. В постановке также заняты похожий на священника мистер Лайден (Грейм Малколм/*Graeme Malcolm*) и две девушки-костюмерши Задеска (Ази Тесфай/*Azie Tesfai*) и Люба (Кармен Гудине/*Carmen Goodine*) в характерных для современной готической субкультуры одеяниях.

Начинаются репетиции, в которых Джулиан сначала больше похож на зрителя, чем на режиссера. На сцене мы видим «невразумительную», по словам героя, переделку «Гамлета», в которой Горацио — повелитель вампиров, вот уже более двух тысяч лет скитающийся по миру. По ходу развития действия он превращает Гамлета и его глуповатых друзей Розенкранца и Гильденстерна в себе подобных. Горацио жаждет и с Офелией проделать то же самое, однако она предпочитает утопиться. Гамлет хочет отомстить Горацио, но обнаруживает, что вампиры не могут убить друг друга. Еще до своей гибели Офелия рассказывает принцу, что вампир может избавиться от своего проклятия, если выпьет из Святого Грааля. Гамлет отправляется на его поиски вместе с Розенкранцем и Гильденстерном, а Горацио пытается им помешать и уничтожить одно из орудий Страстей Христовых.



Их противостояние имеет прямое отношение к созданию четырех пьес: «Гамлет» У. Шекспира, который драматург пишет под руководством Горацио<sup>1</sup>, пьеса «Розенкранц и Гильденстерн, трагический эпизод в трех сценах» (*Rosencrantz and Guildenstern, A Tragic Episode, in Three Tabloids*) У. Ш. Гилберта (*W.S. Gilbert*)<sup>2</sup>, «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» Т. Стоппарда<sup>3</sup> и, наконец, собственная пьеса Горацио, написанная под именем Тео Гораций, «Розенкранц и Гильденстерн, восставшие из мертвых», с помощью которой, по всей видимости, Горацио пытается изловить и усмирить «бунтаря» Гамлета, посмеявшегося не только излечить самого себя, но и пытаться избавить других от чар вампиризма с помощью Святого Грааля.

Происходящее на сцене с приближением развязки все больше сливается с действием фильма. Джулиан пытается внести в спектакль все больше режиссерских коррективов. Полусумасшедшая старуха на улице предупреждает Винса об опасности. Выясняется, что существует целое секретное общество, занимающееся борьбой с вампирами и поиском Святого Грааля. Она учит Винса приемам, с помощью которых можно противостоять вампирам. Основной способ — есть чеснок. Однако это ему не помогает. Он пытается убедить Джулиана отказаться от работы над пьесой, но тщетно. Винс «погибает» от укуса Задески во время репетиции. На церемонии прощания с ним Тео заявляет, что теперь Джулиану придется играть Гамлета. Теперь уже он пытается спасти себя. Ему на помощь приходит Бобби Бианчи. На кладбище им удается уничтожить Любу, но затем ее подруга Задеска убивает Бобби на его квартире, пробравшись туда в образе кошки. Тео превращает Анну в вампира и свою невесту.

Новые убийства расследует детектив Уимбли (Джереми Систо/*Jeremy Sisto*) со своим напарником (Лу Карбонне/*Lou Carbonneau*). В убийстве Бобби они подозревают Джулиана, однако видеозапись момента убийства снимает с него обвинение. На премьере постановки Джулиан сообщает зрителям, что все вампиры в ней настоящие и что следует остерегаться их. Он спрашивает, нет ли у кого-нибудь Святого Грааля, но естественно его вопрос вызывает в зале только смех. Неожиданно для Джулиана на сцене появляется «настоящий» Гамлет (Джозеф Дэниел «Джой» Керн/*Joseph Daniel "Joey" Kern*). Тео-Горацио заявляет принцу, что благодаря его усилиям Шекспир написал пьесу, которая обесмертила Гамлета и «превратила в бога». Тео приказывает Гильденстерну и Розенкранцу убить Гамлета, но он расправляется с ними с помощью осиновых кольев. Они превращаются в скелеты. Гамлет берет их черепа и произносит:

---

<sup>1</sup> Отметим, что образ Шекспира показан в спектакле в комическом свете. Горацио обзывает его «мистером Спейкширом» (*Mr. Spakesheare*: возможно, от “spake” — уметь говорить и “shear” — стрижка, ножницы) и заявляет, что все, что ему нужно от драматурга, — это написать послание Гамлету о том, что Розенкранц и Гильденстерн мертвы.

<sup>2</sup> Здесь Розенкранц и Гильденстерн, как известно, расправляются с Гамлетом экстравагантным способом: хитростью убеждают принца вставить в свой спектакль часть из запрещенной пьесы Клавдия, за постановку которой грозит смерть. Причина же конфликта заключается в том, что Розенкранц влюблен в Офелию.

<sup>3</sup> По сюжету «пьесы в фильме» с помощью этого сочинения Т. Стоппарда Розенкранц и Гильденстерн намеревались убедить Горацио в том, что они мертвы.

«В “Гамлете” ты заставил меня выглядеть безумцем...» Гамлет ставит Горацио перед выбором: или гибель от осинового кола, или очищение от проклятия с помощью Святого Грааля. Вампир выбирает первый вариант. Гамлет убивает его. Спектакль в целом понравился зрителям (по словам одной из поклонниц Джулиана, из-за «потрясающих спецэффектов»), однако в целом не вызывал большого восторга. Гамлет сообщает Джулиану, что это была лучшая постановка в его жизни, просит называть его не принцем, а мистером, а затем вспоминает, что однажды спал с человеком по имени Джулиан триста лет назад. Гамлет: «О, Горацио, сколько лет я мечтал о том, что буду держать твой череп в своих руках!» Принц оставляет череп в качестве театрального реквизита и отправляется искать любовных утех. Джулиан попытался использовать Святой Грааль, чтобы спасти Анну. Однако «борцы с вампиризмом» отказали ему из-за «недостатка времени». Он не решается на убийство, чтобы спасти ее душу. Утром ему звонит Анна и говорит, что они приедут вместе с Винсом (он тоже превратился в вампира), который сообщает о хорошей рецензии на постановку Джулиана и просит дать ему обещание, что в следующей он получит роль. В результате Джулиан продолжает жить, как и жил, просыпаясь каждое утро вместе с новой девушкой. Только теперь и он вампир.

Фильм начинается с сообщения о том, что «с 1600-х гг. появились многочисленные версии “Гамлета” Шекспира, адаптированные для того, чтобы изобразить вампиров... Это одна из них» (“Since the 1600’s there have been numerous versions of Shakespeare’s *Hamlet* adapted to portray vampires... This is one of them.”) Это сразу же настраивает зрителя, что ему не стоит ждать какой-либо серьезной интерпретации шекспировских образов. Насколько нам известно, слово “vampire” в шекспировских произведениях не встречается (во всяком случае, в открытых полнотекстовых шекспировских базах данных нам его обнаружить не удалось). Еще одним подтверждением этого факта являются, к примеру, ответы пользователей на вопрос «Писал ли о/упоминал ли когда-либо Шекспир вампиров?» на популярном сервисе Yahoo!Answers. Интернет-сообщество также единодушно отвечает «нет» (Did Shakespeare ever mention ... , электр. ресурс). Словарь Merriam-Webster указывает, что слово было заимствовано из немецкого языка, в который оно попало из сербского языка, а первое известное употребление в английском языке относится к 1732 году, т. е. прошло уже более чем столетие после смерти драматурга (Vampire, a: Электр. ресурс). Oxford Dictionary of English также говорит о том, что слово появилось в английском языке в середине XVIII века как заимствование из французского языка, в который оно пришло из венгерского языка (возможно, от турецкого “uber”, «ведьма» (Vampire, b: Электр. ресурс). Не смогли мы обнаружить в шекспировском тезаурусе и большинства известных синонимов этого слова. Единственным найденным исключением является слово “blood-sucker”, употребленное Шекспиром в «Генрихе VI. Часть вторая» и в «Ричарде III». Однако оно, как нам представляется, не несет в себе ярко выраженной мистической составляющей (точнее перевести его «кровопийца», «паразит» и т. п.)

Таким образом, тема «Шекспир и вампиры» представляет собой своеобразный оксюморон. Тем не менее, в современном медиа-пространстве она, по всей видимости, достаточно популярна. По запросу “Shakespeare and vampires” поисковая система Google в ноябре 2014 г. выдавала 1230000 результатов. Существует как минимум несколько оригинальных произведений, в которых образ Шекспира и/ли его герои каким-либо образом совмещаются с темой вампиризма.

Назовем некоторые из них: порнографические произведения «Шекспир и вампиры: Ромео и Джульетта» (*Shakespeare and Vampires: Romeo & Juliet*) и «Шекспировские вампиры: Марк Антоний и Клеопатра» (*Shakespeare Vampires: Mark Anthony & Cleopatra*) автора под инициалами С.Д.Е., романы «Ромео и Джульетта и вампиры» (*Romeo and Juliet and Vampires*, 2010) Клаудии Габел (*Claudia Gabel*) и «Шекспир, восставший из мертвых» (*Shakespeare Undead*, 2010) Лори Хэнделенд (*Lori Handeland*), а также, фильм «Гамлет, убийца вампиров» (*Hamlet the Vampire Slayer*, 2008) режиссера Джейсона Виттера (*Jason Witter*).

Заметим, что в корпусе шекспировских переводов, представленных в Информационно-исследовательской базе данных «Русский Шекспир» слово «вампир» уже встречается четыре раза: 1) в «Короле Генрихе VI. Часть вторая» в переводе О. Н. Чюминой в словах Уорика, обращенных Суффольку — «Воздашь бы я, тебя отправивъ въ адъ, // Вампиръ ночной, у спящихъ кровь сосущий!» (III, 2; цит. по: Шекспир, 1903: 90); 2) в той же исторической хронике в переводе Е. Н. Бируковой в словах Уорика, обращенных Сеффольку — «Тебя послал бы по заслугам я // В ад, злой вампир, сосущий кровь у спящих» (III, 2; цит. по: Шекспир, 1941: 194); 3) в «Юлии Цезаре» в переводе А. В. Флори в словах Брута, адресованных Марку Антонию — «Да что ты все о смерти да о смерти? // И руки, видите ль, у нас в крови, // А мы — вампиры. Полно, Марк Антоний!» (III, 1; цит. по: Шекспир, 2008b: Электр. ресурс); 4) в речи Тимона перед разбойниками — «Не умеряйте алчности и злобы // Из-за того, что я вам заплатил, // Но, как вампиры, будьте, ненасытны // И сгиньте, наконец. Я все оказал» (IV, 3; цит. по: Шекспир, 2008a: Электр. ресурс).

Как мы уже отмечали, в оригинале «Короля Генриха VI. Часть вторая» мы находим слово “blood-sucker”. В оригинале «Юлия Цезаря» мы найдем строчку “Though now we must appear bloody and cruel” (буквально «Хотя сейчас мы должны казаться кровожадными и безжалостными»), а в «Тимоне Афинском» мы вообще найдем только призыв крушить лавки и грабить воров — “Break open shops; nothing can you steal, // But thieves do lose it: steal no less for this // I give you; and gold confound you howsoe'er! Amen.”

Таким образом, даже в русских переводах Шекспира в некоторой степени нашла свое отражение тема вампиризма. Что уж говорить о современном искусстве, медиа- и блогосфере, в которых она получила широкое распространение (см., например: Воробьевский, электр. ресурс; Почему подростков ... , электр. ресурс; Хапаева, 2011; Монд, 2011; 2012; Грабузов, 2012; Якушенков,

2012; Сазонова, 2013; Севастьянова, 2013; Розин, Голубкова, 2013; Соколинский, 2013; Фоминых, 2013; Кабачек, 2014).

Этой теме даже посвящен специальный блог *The Shakespiracy*, якобы принадлежащий тайному обществу, члены которого заняты распространением знаний о вампирах и поисками Святого Грааля. Посетителям предлагается «открыть связь между Гамлетом, вампирами и скрытым кодом в оригинальных шекспировских рукописях (“Discover the secret connection between Hamlet, vampires and the hidden code in the original Shakespearean manuscripts.”). На страницах блога можно узнать, что первое упоминание о данном обществе якобы можно найти в «Манифестах розенкрейцеров и голденстониарцев» (*The Rosicrucian and Goldenstonian Manifestoes*) 1615 года, а «Гамлета» написал Фрэнсис Бэкон, которому историю о принце поведал не кто иной, как немецкий теолог и алхимик Иоганн Валентин Андреэ (*Johann Valentin Andreae*). Но самое интересное, что «источники указывают, что Бэкона на самом деле звали Гораций или Горацио и он был двухтысячелетним вампиром, который лично был свидетелем событий, описанных в “Гамлете”, объясняя загадки текста. <...> эти тайны — ключ к разгадке тщательно оберегаемого секрета, что... принц Гамлет был вампиром» (“...our sources indicate that Bacon’s true identity was Horace or Horatio, a 2000-year-old vampire, who personally witnessed the events described in Hamlet, explaining the mysteries in the text. We have discovered these mysteries to be clues to a heavily guarded secret that...Prince Hamlet himself was a vampire.”) (см.: *The Shakespiracy*, электр. ресурс).

Данный блог — пример того, как рождаются и развиваются современные мифы. Блог был создан любителями или создателями фильма «Розенкранц и Гильденстерн, восставшие из мертвых», которые подхватили и дополнили «легенду», вокруг которой построен сюжет фильма (возможно, в качестве рекламной поддержки фильма). В Сети можно найти даже хронологию событий, по которой достаточно легко проследить, каким образом выстроена легенда, встроенная в сюжет фильма. Здесь образ вампира Тео Горация вплетен в реальные, мифические и откровенно вымышленные события истории, которые так или иначе связаны с Шекспиром, нашли отражение в его творчестве, либо относятся к более поздним фактам, напрямую касающихся процесса шекспиризации в мировой художественной культуре. Так, в 44 г., еще будучи обычным смертным, он становится свидетелем убийства Юлия Цезаря, затем становится вампиром и пишет свои «великие поэмы», в 312 г. он узнает о существовании Святого Грааля. В 1307 г. тамплиеры уходят в подполье, Тео превращает принца Гамлета в вампира, Офелия кончает жизнь самоубийством в пятницу, 13-е, Гамлет превращает Розенкранца и Гильденстерна в вампиров. В 1398 г. Розенкранц и Гильденстерн возвращаются из Египта, в 1601 г. Горацио пишет вместе с Шекспиром «Гамлета», Валентин Андреэ обнаруживает могилы Розенкранца и Голденстона, а в 1615 г. он пишет упоминавшиеся «Манифесты розенкрейцеров и голденстониарцев». В 1619 г. алхимик публично отрекается от манифестов и основывает тайное общество. В 1874 г. Розенкранц пишет вместе

У. Ш. Гилбертом пьесу «Розенкранц и Гильденстерн». В 1911 г. Гилберт тонет при странных обстоятельствах. Наконец, в 1964 г. Гильденстерн нанимает Т. Стоппарда и просит его написать «Розенкранц и Гильденстерн мертвы», а в 2000–2008 гг. Тео Гораций пишет последнюю свою «великую работу» под названием «Розенкранц и Гильденстерн, восставшие из мертвых» (timelinetheohorace, электр. ресурс). Создателям этой истории не откажешь в своеобразном юморе, иронии и изобретательности.

Примечателен тот факт, что Джордану Галланду пришла мысль написать продолжение пьесы «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» Т. Стоппарда еще в школе, будучи занятым в ее постановке в роли Розенкранца. Сам Стоппард, по словам Галланда, оценил его идею и сказал, что она пользуется среди его друзей большой популярностью (Del Signore, 2007). Тем не менее, фильм получил смешанные отзывы критиков и не приобрел большой популярности среди зрителей, несмотря на наличие в актерском составе некоторых довольно известных для широкой публики имен.

Действие фильма «Розенкранц и Гильденстерн, восставшие из мертвых» соткано из многочисленных аллюзий, цитат, образов, иронических переосмыслений, клише и т. п., причем связанных не только с произведениями Шекспира, Гилберта и Стоппарда, но и с самыми разнообразными феноменами современной культуры. Например, образы незадачливых напарников-детективов, упоминание «реальным» Гамлетом комедии «Миссис Даутфайр» режиссера Криса Коламбуса (*Christopher Columbus*) в сопоставлении с «Гамлетом» и др. Возможно, эта насыщенность самыми разнообразными элементами («высокими» и «низкими», известными и малоизвестными, «избитыми» и непонятными) и не позволило фильму произвести более сильное впечатление. Представляется, что большинству зрителей непросто разгадать иронический подтекст во многих его эпизодах, а это зачастую губительно для фильмов в этом жанре.

Исходя из вышесказанного, можно сделать предположение, что неошекспиризация в современной культуре очень часто подразумевает включение Шекспира и его наследия в практически чуждый, однако популярный в настоящее время контекст. Случай с вампиризмом — хорошее тому подтверждение.

Представляется, что большинство подобных примеров не имеют ничего общего с шекспировским наследием. Используются лишь культурные символы и образы, многие из которых не были созданы Шекспиром, однако получили широкое распространение именно благодаря его гению. Тем не менее, можно предположить, что в некоторых продуктах современного масскульта вполне возможно совмещение Шекспира с чем-то для него «чужим», которое при этом бы не ломало принципы его творчества.

Приведем интересное высказывание культового режиссера в жанре хоррор Джорджа Эндрю Ромеро (*George Andrew Romero*). В нем можно ощутить суть отношения человека, любящего творчество Шекспира и при этом работающего в современном кинематографе, к продуктам массовой культуры нашего времени в жанрах ужасы, мистический триллер, «вампирская сага» и т. д.,

большинство из которых лишены шекспировского разнообразия и выразительности художественных приемов и средств: «Когда я начинал, я понятия не имел, что надо делать, как писать сценарии, чтобы они были живыми, — да что там, актеры без спросу переделывали мои сценарии и играли по-своему, и у них получалось куда лучше, чем в оригинале. Ну а потом я придумал и стал копировать ходы у Шекспира. Я очень люблю Шекспира и думал тогда, что вряд ли кто-то распознает ход. Так пошло куда лучше. А сейчас? Новые технологии, говорите? Дорогие спецэффекты, компьютерная графика? Да, я знаю, мы все делали на коленке, денег не было даже на то, чтобы нормальные эскизы нарисовать. Ну и что ваша графика? Все эти вампиры, которые носятся по экрану туда-сюда — вжик! — как насекомые. Увольте, я предпочитаю замедленное действие, хорошее чувство юмора. Юмор — это самое главное» (Джордж Ромеро ... , 2011: Электр. ресурс).

Рассмотренные примеры свидетельствуют о сложных механизмах, действующих при создании продуктов мировой «шекспировской киноиндустрии». В значительном большинстве из них действуют принципы неошекспиризации: переосмысливается и реинтерпретируется какой-то один или некая совокупность шекспировских образов, мотивов, цитат (например, рассмотренные выше «Гамлет 2» и «Розенкранц и Гильденстерн, восставшие из мертвых»), историческая трагикомедия «Король говорит!» [*The King's Speech*, 2010] Тома Хупера/*Tom Hooper*), художественных принципов или образ драматурга (к примеру, исторический драматический сериал «Уильям Шекспир: его жизнь и эпоха» [*William Shakespeare: His Life & Times*, 1978], научно-фантастическая комедия Би-Би-Си «Черная Гадюка: взад и вперед» [*Blackadder: Back & Forth*, 1999], телевизионная драма «Стыда растраты: загадка Шекспира и его сонетов» [*A Waste of Shame: The Mystery of Shakespeare and His Sonnets*, 2005]), известные вехи его биографии, связанные с ними мифы и легенды, включая проблему авторства, т. н. «шекспировский вопрос» (например, «Влюбленный Шекспир» Джона Мэддена/*John Madden* по сценарию Марка Нормана/*Marc Norman* и Т. Стоппарда, исторический фильм «Аноним» [*Anonymous*, 2011] Роланда Эммериха/*Roland Emmerich*). Значительно меньшее количество фильмов можно отнести к примерам, в которых можно обнаружить действие принципов неошекспиризма (яркий пример — фильмы «Трон в крови», «Плохие спят спокойно», «Ран» А. Куросавы).

При этом, на наш взгляд, элементы шекспиризации и шекспиризма (соответственно и неошекспиризации, и неошекспиризма) не отменяют друг друга. Наоборот, их совокупность может принести кинокартине бóльший успех. Массовая аудитория чаще обращает внимание и оценивает внешние атрибуты, присущие процессу (нео)шекспиризации, причем зачастую имея довольно поверхностные знания о них, которых однако вполне достаточно, чтобы они могли получить некое эстетическое и эмоциональное удовольствие от просмотра. Эксперты и знатоки творчества Барда и его эпохи в состоянии оценить как представленные явные и скрытые (чаще переосмысленные в том или ином

культурном контексте) шекспировские мотивы, образы, сюжеты и т. д., так и представленную в кинопродукте картину мира, масштабность действия и героев, а также сопоставить ее с мировоззрением Шекспира и других его современников. Таким образом, если создателям фильмов удастся соединить различные пласты информации, которые позволяют говорить о наличии в них черт как неошекспиризации, так и неошекспиризма («Розенкранц и Гильденстерн мертвы» Т. Стоппарда, «Ромео + Джульетта» [*Romeo + Juliet*] База Лурмана/*Baz Luhrmann*, «Влюбленный Шекспир»), то чаще всего фильмы получают признание как среди широкого зрителя, так и среди профессиональных кинокритиков и историков кино.

Таким образом, концепции шекспиризма и шекспиризации, а также их новых форм в современных культурных тезаурусах, позволяют, с нашей точки зрения, более обоснованно в методологическом плане рассматривать феномены шекспиросферы, при этом соблюдая принцип их равноценности, необходимый для более глубокого и обстоятельного понимания данной области мировой культуры.

#### *СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ*

Биченко, С. Г., Луков, М. В., Ретунских, А. Д. (2014) Основные работы Вл. А. Лукова по тезаурусному подходу [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». № 3 (май — июнь). URL: [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/3/Bichenko\\_Lukov\\_Retunskikh\\_Lukov-Thesaurus-Approach/](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/3/Bichenko_Lukov_Retunskikh_Lukov-Thesaurus-Approach/) [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

Воробьевский, Ю. Вампиризм как знамение эпохи [Электронный ресурс] // Международное общественное объединение «Русское физическое общество». Санкт-Петербургская секция. URL: <http://spbs.rusphysics.ru/files/Vampirism.pdf> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

Гайдин, Б. Н. (2008) «Гамлетовский вопрос» как отражение христианской картины мира // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 226–231.

Гайдин, Б. Н. (2009) Вечные образы как константы культуры (интерпретация «гамлетовского вопроса») : дис. ... канд. филос. наук, спец. 09.00.13 / Науч. рук. дфн, проф. Вл. А. Луков. М.

Гайдин, Б. Н. (2011) Вечные образы как константы культуры: тезаурусный анализ «гамлетовского вопроса» : монография. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing.

Гайдин, Б. Н. (2012) Идея констант культуры // Инновации в корпусе гуманитарных идей : материалы конференции Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ 16–17 февраля 2012 года. Ч. 2 : сб. науч. трудов / под ред. Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова ; Моск. гуманитар. ун-т. Ин-т фундамент. и прикл. исследований. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та. С. 15–32.

Гайдин, Б. Н. (2013) Неошекспиризация в тезаурусе современной художественной культуры: постановка проблемы // Тезаурусный анализ мировой культуры : сб. науч. трудов. Вып. 27 : Специальный выпуск : Высшее образование для XXI века: X Международная научная конференция. Москва, 14–16 ноября 2013 г. : Доклады и материалы. Симпозиум «Тезаурусный анализ мировой культуры» / под общ. ред. Вл. А. Лукова. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 33–42.

Гайдин, Б. Н., Кислицын, К. Н. (2013) Черты неогамлетизации в пьесе «Гамлет-машина» Х. Мюллера и сборнике новелл «Тень отца Гамлета» Р. П. Сагабалина [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». № 5 (сентябрь — октябрь). URL: [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/5/Gaydin\\_Kislitsyn\\_Neo-Hamletization/](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/5/Gaydin_Kislitsyn_Neo-Hamletization/) [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

Грабузов, И. Ю. (2012) Трансформация образа вампира в художественной культуре Европы и Америки // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 6. С. 302–305.

Джордж Ромеро: «Зомби родом из шестидесятых» (2011) [Электронный ресурс] // Частный корреспондент. 29 января. URL: [http://www.chaskor.ru/article/dzhordzh\\_romero\\_zombi\\_rodом\\_iz\\_shestidesyatyh\\_12112](http://www.chaskor.ru/article/dzhordzh_romero_zombi_rodом_iz_shestidesyatyh_12112) [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

Захаров, Н. В. (2006) Шекспиризм Пушкина // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 148–155.

Захаров, Н. В. (2007) Шекспиризм в русской литературе // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 175–180.

Захаров, Н. В. (2008) Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 320 с.

Захаров, Н. В. (2009а) Процесс шекспиризации в русской литературе XVIII–XIX вв.: пример М. Н. Муравьева // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 130–139.

Захаров, Н. В. (2009б) У истоков русского шекспиризма: А. П. Сумароков, М. Н. Муравьев, Н. М. Карамзин : моногр. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. (Шекспировские штудии XIII). 96 с.

Захаров, Н. В. (2009с) У истоков шекспиризма в России: Н. М. Карамзин, А. А. Петров и Я. М. Р. Ленц // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 119–129.

Захаров, Н. В. (2011) Концепция шекспиризма в русской классической литературе // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 145–150.

Захаров, Н. В., Луков, Вл. А. (2009а) Шекспир и шекспиризм в России // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 98–106.

Захаров, Н. В., Луков, Вл. А. (2009б) Шекспир как константа и шекспиризм как идейно-эстетический принцип русской классической литературы // Шекспировские штудии XI: Шекспир как константа культуры : сб. науч. трудов. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 3–15.



Захаров, Н. В., Луков, Вл. А. (2011a) Русский шекспиризм // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 13. № 2. Ч. 3. С. 661–666.

Захаров, Н. В., Луков, Вл. А. (2011b) Шекспир, шекспиризация : моногр. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 104 с.

Захаров, Н. В., Луков, Вл. А. (2012) Идея русского шекспиризма // Инновации в корпусе гуманитарных идей: материалы конференции Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ 16–17 февраля 2012 года. Ч. 2 : сб. науч. трудов. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 50–61.

Ильинский, И. М. (2006) Между Будущим и Прошлым: Социальная философия Происходящего. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 664 с.

Кабачек, О. Л. (2014) Почему они так любят читать о вампирах? Гипотеза библиотечного психолога // Библиотечное дело. № 4. С. 21–24.

Казючиц, М. Ф. (2011) Язык экранных искусств: от кино к интернет-коммуникациям // Артикульт. № 2. С. 42–51.

Лисович, И. И., Макаров, В. С. (2014) Научно-исследовательский проект «Виртуальная шекспирсфера: трансформации шекспировского мифа в современной культуре» // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 264–282.

Луков, Вал. А., Захаров, Н. В., Луков, Вл. А. (2012) Шекспирсфера // Захаров Н. В., Луков Вл. А. Гений на века: Шекспир в европейской культуре. М. : ГИТР. С. 324–336.

Луков, Вал. А., Захаров, Н. В., Луков, Вл. А., Гайдин, Б. Н. (2012) Шекспирсфера (Шекспир, его современники, его эпоха в культуре повседневности) [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». № 3 (май — июнь). URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Lukov~Zakharov~Lukov~Gaydin~Shakespeare-sphere/> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2004) Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 93–100.

Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса.

Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2013) Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М. : Изд-во Национального ин-та бизнеса.

Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2014a) Методология тезаурусного подхода: стратегия понимания // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 18–35.

Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2014b) Шекспирсфера и культурные константы // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 200–208.

Луков, Вл. А. (2006) Теория персональных моделей в истории литературы. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та.

Луков, Вл. А. (2008) Персональные модели в истории литературы [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». № 5 —

Филология. URL: [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Lukov\\_models/](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Lukov_models/) [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

Луков, Вл. А. (2010a) История литературы как изучение культурной традиции: персональные модели [Электронный ресурс] // Электронная энциклопедия «Мир Шекспира». URL: <http://world-shake.ru/ru/Encyclopaedia/4209.html> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

Луков, Вл. А. (2010b) От шекспиризма к неошекспиризму: развитие культурной тенденции в XX веке // Шекспировские штудии XVI : Шекспир: текст и контекст : сб. науч. трудов. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 7–17.

Луков, Вл. А. (2010c) От шекспиризма к неошекспиризму: развитие культурной тенденции в XX веке // Шекспировские чтения 2010 / гл. ред. А. В. Бартошевич. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 162–169.

Луков, Вл. А. (2010d) Шекспир в русском культурном тезаурусе // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 254–257.

Луков, Вл. А. (2010e) Шекспир на экране: «неошекспиризация» и «неошекспиризм» // Наука телевидения : научный альманах. Вып. 7. М. : ГИТР. С. 318–328.

Луков, Вл. А. (2011a) Культ Шекспира и шекспиризация в европейском предромантизме // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вып. 15. СПб. ; Самара : ООО «Издательство “Ас Гард”». С. 20–39.

Луков, Вл. А. (2011b) Культ Шекспира и шекспиризация в европейском предромантизме // Шекспировские чтения. 2006 / [гл. ред. А. В. Бартошевич; отв. ред. и сост. выпуска И. С. Приходько]; Науч. совет РАН «История мировой культуры». М. : Наука. С. 182–196.

Луков, Вл. А. (2014) Концепция тезаурусных сфер // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 307–326.

Луков, Вл. А., Захаров, Н. В. (2008a) Шекспиризация // Шекспировские штудии IX : К 444-летию со дня рождения Шекспира : сб. науч. трудов. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 68–69.

Луков, Вл. А., Захаров, Н. В. (2008b) Шекспиризация vs шекспиризм // Шекспировские штудии VIII: Проблемы перевода : материалы заседания Шекспировской комиссии РАН 29 февраля 2008 года : сб. науч. трудов. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 3–7.

Луков, Вл. А., Захаров, Н. В. (2008c) Шекспиризация и шекспиризм // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 253–256.

Луков, Вл. А., Захаров, Н. В., Гайдин, Б. Н. (2010) Гамлет как вечный образ русской и мировой литературы : монография. 2-е изд., испр. (электронное). М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 87 с. (Шекспировские штудии IV).

Луков, Вл. А., Луков, М. В. (2009) Куросава Акира [Электронный ресурс] // Электронная энциклопедия «Мир Шекспира». URL: <http://world-shake.ru/ru/Encyclopaedia/3773.html> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

Монд, О. Л. (2011) Дракула в мюзиклах: эволюция образа // Вопросы культурологии. № 12. С. 63–67.

Монд, О. Л. (2012) Архетип вампира в музыкально-драматическом искусстве // Научное мнение. № 2. С. 31–36.

Николаева-Чинарова, А. П., Геращенко, Л. Л. (2014) Игра в экранной культуре или мифологический багаж современного потребителя экранной продукции // Аналитика культурологии. № 29. С. 21–30.

Познин, В. Ф. (2009) Выразительные средства экранных искусств: эстетический и технологический аспекты : автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. СПб.

Почему подростков привлекает тема вампиризма [Электронный ресурс] // Готика. URL: [http://about-all-w.ucoz.ru/publ/pochemu\\_podrostkov\\_privlekaet\\_tema\\_vampirizma/1-1-0-7](http://about-all-w.ucoz.ru/publ/pochemu_podrostkov_privlekaet_tema_vampirizma/1-1-0-7) [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

Розин, В. М., Голубкова, Л. Г. (2013) Вампиры среди нас // Психология и психотехника. № 3. С. 274–282.

Сазонова, З. Н. (2013) Тема вампиризма в современном русском фэнтези: происхождение и своеобразие // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 1 (2). С. 269–272.

Севастьянова, С. С. (2013) Дракула в мюзикле — закономерный этап развития вампирной субкультуры // Философия и культура. № 3. С. 382–392.

Соколинский, Е. К. (2013) Введение в практическую вампирологию. Оборотни, вурдалаки, упыри и все, все, все // Библиотечное дело. № 18 (204). С. 11–17.

Степанов, Ю. С. (2004) Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М. : Академический проект. 992 с.

Фоминых, Е. А. (2013) Дракула: трансформация сюжета от викторианской эпохи до XXI века // Вестник Гуманитарного университета. № 3. С. 138–142.

Хапаева, Д. (2011) Вампир — герой нашего времени // Новое литературное обозрение. № 109. С. 44–61.

Шекспир, В. (1903) Король Генрих VI. Часть I, II / пер. О. Н. Чюминой. С предисловием Е. Аничкова // Шекспир В. Полн. собр. соч. / Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова. СПб. : Брокгауз-Ефрон. Т. 5. С. 1–108.

Шекспир, В. (1941) Король Генрих VI. Часть вторая / пер. Е. Н. Бируковой // Шекспир В. Полн. собр. соч. : в 8 т. / под ред. А. А. Смирнова. М. ; Л.: Academia. Т. 4. С. 119–250.

Шекспир, У. (2008a) Тимон Афинский / пер. А. В. Флори. Акт четвертый [Электронный ресурс] // Информационно-исследовательская база данных «Русский Шекспир». URL: [http://www.rus-shake.ru/translations/Timon\\_of\\_Athens/Floria/2005\\_4/](http://www.rus-shake.ru/translations/Timon_of_Athens/Floria/2005_4/) [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

Шекспир, У. (2008b) Юлий Цезарь. Трагедия в пяти актах / пер. А. В. Флори. Акт третий [Электронный ресурс] // Информационно-исследовательская база данных «Русский Шекспир». URL: <http://rus->

shake.ru/translations/Julius\_Caesar/Floria/3/ [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

Шекспировские штудии XI: Шекспир как константа культуры (2009) : сб. науч. трудов. Исследования и материалы науч. семинара 23 апреля 2009 г. / отв. ред. Н. В. Захаров, Вл. А. Луков; Моск. гуманит. ун-т. Ин-т фундам. и прикл. исследований: Межд. акад. наук (IAS). М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 88 с.

Якушенков, С. Н. (2012) Эволюция образа Чужого на примере европейского дискурса о вампирах (О бедном вампире замолвим мы слово) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 2. С. 263–269.

A Companion to Film Theory (2004) / ed. by T. Miller and R. Stam. Oxford : Blackwell. vi, 428 p.

Bernardi, J. R. (1991) 'The Warrior's Camera: The Cinema of Akira Kurosawa' by Stephen Prince // Monumenta Nipponica. Vol. 46. No. 4. P. 574–577.

BobbyKei. (2009) Rock Me Sexy Jesus : Рецензия на фильм: Гамлет 2 [Электронный ресурс] // КиноПоиск. 29 августа. URL: <http://www.kinopoisk.ru/user/319685/comment/599394/> [архивировано в Archive.Today] (дата обращения: 6.09.2014).

Byrge, D. (2008) "Hamlet 2" Sends Up Suburbia in Rowdy Fashion [Электронный ресурс] // Reuters/The Hollywood Reporter. January 21. URL: <http://uk.reuters.com/article/2008/01/23/uk-film-hamlet-idUKN2356654020080123> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

Colman, F. (2014) Film Theory: Creating a Cinematic Grammar. New York ; London : Wallflower Press. 136 p.

Cooper, S. (2013) The Soul of Film Theory. Houndsmills, Basingstoke, Hampshire ; New York : Palgrave Macmillan.

Crofts, S. (2000) Concepts of National Cinema // World Cinema : Critical Approaches / ed. by John Hill and Pamela Church Gibson ; consultant editors: Richard Dyer, E. Ann Kaplan, Paul Willemen. Oxford ; New York : Oxford University Press. P. 1–10.

Del Signore, J. (2007) On the Set: *Rosencrantz & Guildenstern Are Undead* [Электронный ресурс] // Gothamist. December 22. URL: [http://gothamist.com/2007/12/22/on\\_the\\_set\\_rose.php](http://gothamist.com/2007/12/22/on_the_set_rose.php) [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

Did Shakespeare ever mention/write about vampires? [Электронный ресурс] // Yahoo!Answers. URL: <https://answers.yahoo.com/question/index?qid=20130730182327AARqKYx> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

Easthope, A. (1993) Contemporary Film Theory. London ; New York : Longman. x, 218 p.

Ebert, R. (2008) Hamlet 2 Movie Review & Film Summary (2008) [Электронный ресурс] // Roger Ebert.Com. August 21. URL: <http://www.rogerebert.com/reviews/hamlet-2-2008> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

Film and Theory (2011) : An Anthology / ed. by R. Stam and T. Miller. Malden, MA : Blackwell Publishers. xviii, 862 p.

Film Theory and Criticism: Introductory Readings (1974) / comp. by Gerald Mast and Marshall Cohen. New York : Oxford University Press. xv, 639 p.

Film Theory and Philosophy (1997) / ed. by Richard Allen and Murray Smith. Oxford : Clarendon Press ; New York : Oxford University Press. xi, 474 p.

Gillespie, D. C. (2003) Russian Cinema. Harlow, England ; New York : Longman. x, 201 p.

Hake, S. (2002) German National Cinema. London ; New York : Routledge. viii, 232 p.

Halbfinger, D. (2008) Done Deals Finally Start to Appear at Sundance Brady [Электронный ресурс] // The New York Times. January 23. URL: [http://www.nytimes.com/2008/01/23/movies/23sund.html?\\_r=0](http://www.nytimes.com/2008/01/23/movies/23sund.html?_r=0) [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

Haltorf, M. (2002) Polish National Cinema. New York : Berghahn Books. xiv, 304 p.

Hamlet 2 by Andy Fleming & Pam Brady [Электронный ресурс] // The Screenplay Database. URL: [http://www.screenplaydb.com/film/scripts/hamlet\\_2.pdf](http://www.screenplaydb.com/film/scripts/hamlet_2.pdf) [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

Hayward, S. (1993) French National Cinema. London ; New York : Routledge. xii, 325 p.

Holderness, G. (1992) Shakespeare Rewound // Shakespeare Survey. Vol. 45: Hamlet and Its Afterlife. P. 63–74.

Kipen, D. (2006) The Schreiber Theory: A Radical Rewrite of American Film History. Hoboken, NJ : Melville House Publishing. 172 p.

Lapsley, R., Westlake, M. (1988) Film Theory : An Introduction. Manchester, UK : Manchester University Press ; New York : St. Martin's Press. viii, 248 p.

Lynch, K. (2014) William Shakespeare Turns 450 — Ten Startling Great Bard-Themed World Records [Электронный ресурс] // Guinness World Records. April 23. URL: <http://www.guinnessworldrecords.com/news/2014/4/william-shakespeare-turns-450-ten-startling-great-bard-themed-world-records-56900/> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

Metz, W. (2004) Engaging Film Criticism: Film History and Contemporary American Cinema. New York : Peter Lang. xiii, 226 p.

Murray, K. (2013) Shakespeare and World Cinema: A Critical Overview // Literature Compass. Vol. 10. Issue 4. P. 369–382.

Nesbit, E. (2012) Beautiful Stories From Shakespeare : eBook. [Lanham, MD] : Start Publishing.

O'Regan, T. (1996) Australian National Cinema. London ; New York : Routledge.

Pearson, R. E. (2004) Heritage, Humanism, Populism: The Representation of Shakespeare in Contemporary British Television // Janespoting and Beyond: British Heritage Retrovisions since the Mid-1990s / ed. by E. Voigts-Virchow. Tübingen : Gunter Narr. 212 p. P. 87–100.

Prince, S. (1991) *The Warrior's Camera: The Cinema of Akira Kurosawa*. Princeton, NJ. : Princeton University Press. xxii, 344 p.

Saffron Burrows. (2013) Шут: Рецензия на фильм: Гамлет 2 [Электронный ресурс] // КиноПоиск. 10 июня. URL: <http://www.kinopoisk.ru/user/3132144/comment/1806671/> [архивировано в Archive.Today] (дата обращения: 6.09.2014).

Sorlin, P. (1996) *Italian National Cinema 1896–1996*. London ; New York : Routledge. viii, 202 p.

Stam, R. (2000) *Film Theory : An Introduction*. Malden, MA : Blackwell. x, 381 p.

Steele, J. A (2012) *Cinema Without Borders // Trespassing Journal: An Online Journal of Trespassing Art, Science, and Philosophy*. Issue 1. P. 113–130. URL: [http://trespassingjournal.com/Issue1/TPJ\\_I1\\_Steele\\_Article.pdf](http://trespassingjournal.com/Issue1/TPJ_I1_Steele_Article.pdf) [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

Street, S. (1997) *British National Cinema*. London ; New York : Routledge. 232 p.

Sungsri, P. (2008) *Thai National Cinema : The Three Potent Signifiers of Thai Identity, Nation, Religion, and Monarchy, Their Interrelationship and Influence in Thai National Cinema*. Saarbrücken : VDM Verlag Dr. Müller.

*The Guinness Book of Records 1999 (1998)* / ed. by M. Young. [S.l.] : Guinness World Records Ltd. 336 p.

*The Oxford History of World Cinema (1996)* / ed. by G. Nowell-Smith. Oxford : Oxford University Press. xxii, 824 p.

*The Routledge Encyclopedia of Film Theory (2014)* / ed. by Edward Branigan and Warren Buckland. London ; New York : Routledge, Taylor & Francis Group. xl, 526 p.

The Shakespiracy [Электронный ресурс]. URL: <http://shakespiracy.blogspot.ru/> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

The Taiwan Shakespeare Database: Overview [Электронный ресурс] // Taiwan Shakespeare Database. URL: <http://shakespeare.digital.ntu.edu.tw/shakespeare/home.php?Language=en> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

*Theorising National Cinema (2006)* / ed. by Valentina Vitali and Paul Willemen. London : British Film Institute. x, 326 p.

Timelinethehorace [Электронный ресурс] // Rosicrucian and goldenstonian info [dot] com. URL: <http://rosicrucianandgoldenstonianinfo.com/timeline/index.htm> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

Vampire (a) [Электронный ресурс] // Merriam-Webster Online. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/vampire> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

Vampire (b) [Электронный ресурс] // Oxford Dictionaries. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/vampire> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

Weddle, D. (2003) *Lights, Camera, Action. Marxism, Semiotics, Narratology* [Электронный ресурс] // Los Angeles Times. July 13. URL: <http://articles.>

latimes.com/2003/jul/13/magazine/tm-filmschool28 [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

Welcome [to Shakespeare on Screen in Francophonia] [Электронный ресурс] // Shakespeare on Screen in Francophonia. URL: <http://shakscreen.org/> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

What are STARMeter, MOVIEmeter & COMPANYmeter? [Электронный ресурс] // IMDb. URL: [http://www.imdb.com/help/show\\_leaf?prowhatissstarmeter](http://www.imdb.com/help/show_leaf?prowhatissstarmeter) [архивировано в WebCite] (дата обращения: 6.09.2014).

Zhang, Y. (2004) Chinese National Cinema. New York : Routledge. xiv, 328 p.

*Гайдин Борис Николаевич* — кандидат философских наук, заместитель директора Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета. Тел.: +7 (499) 374-59-30. Эл. адрес: [russhake@gmail.com](mailto:russhake@gmail.com)

*Gaydin Boris Nikolaevich*, Candidate of Philosophy, Deputy Director, Center for the Theory and History of Culture, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities. Tel.: +7 (499) 374-59-30. E-mail: [russhake@gmail.com](mailto:russhake@gmail.com)

## **КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ**

*А. В. Костина*

### **Culture as a Factor of Russia's Modernization: Some Results of the Study**

*A. V. Kostina*

*Аннотация.* В данной статье обобщен ряд результатов, полученных в научном исследовании, посвященном анализу культуры как фактора модернизации России.

*Ключевые слова:* модернизация, культура, архаизация, индустриализация.

*Abstract.* The article summarizes a number of results obtained in research on the analysis of culture as a factor in the modernization of Russia.

*Keywords:* modernization, culture, archaization, industrialization.

Статья написана при поддержке РГНФ (проект «Культура как фактор модернизации России», № 12-03-00542).

В 2012–2014 гг. группой ученых Московского гуманитарного университета проводилось исследование, посвященное культуре как фактору модернизации России (Современное состояние культуры..., 2013; Культура в процессах..., 2014; Культура как фактор ... , 2014; Костина, 2010, 2013; Костина, Кожаринова, 2014; Хорина, 2013). По своим целям исследование было направлено на аналитическое обобщение различных социологических, культурологических, антропологических и иных общественно-научных исследований последнего времени, посвященных динамике культуры в современном социальном развитии и, прежде всего, в постиндустриальном / информационном обществе. В то же время данная работа была практически ориентированной — в исследовании были определены причины возрастания роли культуры в обществе как регулятивного фактора и представлены выводы, которые могут оказаться полезными для актуальной социокультурной политики, особенно в ее проектно-прогностическом аспекте.

В исследовании были проанализированы научные взгляды авторов, в течение последних десятилетий исследующих феномен последовательно и заметно возрастающей роли культуры в жизни общества; концептуализировано понятие культуры как регулятора и стимулятора социальной активности людей в современном мире. На основе обобщенных исследований в этой области, в том числе, принадлежащих участникам проекта, была доказана доминирующая роль



культуры во всех процессах развития общества. Сегодня становится очевидным, что культура — это центральное понятие XXI века, точно такое же, какими были понятия «наука», «общество» и «прогресс» для XVIII и XIX веков, что современные проблемы, связанные с межконфессиональной и межэтнической напряженностью, терроризмом, неравномерностью развития мира, приводящей к разного масштаба конфликтам, даже с ухудшением экологического фона, — все они прямо или опосредованно обусловлены культурным фактором. Именно поэтому современная глобальная политика опирается на такие понятия, как «диалог культур», «толерантность», «культурное многообразие», «культура мира», широко используемые ООН и ЮНЕСКО, начиная с 1980-х годов (Ильинский, 1999, 2011; Тишков, 2003; Воскобойников, 2006; Интеллигенция ... , 2007; Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2007; Диалог ... , 2010; Костина, 2011; Федотова, 2011; Zagorin, 2005; Kaplan, 2007).

В исследовании показано, что модернизация любого государства, в том числе, России — это не совокупность операций, направленных на улучшение каких-либо составляющих экономики или политики, это не технологический прорыв, связанный с импортом технологий или даже созданием новых центров научного развития, это не воспроизводство факторов, составляющих основу модернизации западных стран. Модернизация — это формирование тех общественных условий и той общественной среды, которые и станут основой для прорыва в экономической сфере, то есть, это формирование самого общества модерна. При этом простое воспроизводство любых моделей модернизации не эффективно, так как развитие и экономической и политической системы осуществляется только в контексте определенной культурной матрицы и соответствует не только мировым трендам развития, но и тенденциям развития национальных государств.

В проекте проанализировано понятие «модернизация» и показано, что оно стало активно применяться в отечественной науке и философии не так давно — статья, посвященная концепциям модернизации включена в «Новейший философский словарь» 1998 г. (Новейший ... , 1998). Однако в «Философском энциклопедическом словаре» 1983 г. данное понятие и все, сопряженные с ним, отсутствуют как отчасти заменяемые понятием «научно-техническая революция» (Философский ... , 1983). Это связано с тем, что термин «модернизация» введен западными учеными для осмысления тех процессов, которые происходят в сфере общественных отношений и в культуре в ситуации индустриализации. Сами концепции индустриализации не были востребованы в советской научной системе по причине их идеологической индифферентности, отсутствия привязки к капиталистической или социалистической системе. Кроме того, са-

ми авторы концепции модернизации не применяли этот термин в отношении Советского Союза, предпочитая ему понятие «конвергенция» и рассматривая процесс модернизации как атрибутивный странам Азии, Африки и Латинской Америки.

В работе показано, что концепция модернизации в ее классическом варианте является фактически культурологической концепцией, так как опирается на осмысление сферы культуры в период индустриализации, то есть, построения современного общества, следующего за традиционным (до-индустриальным), или общества модерна. Содержанием модернизационных процессов становится изменение характера солидарности внутри общества, которое, в отличие от традиционного, базируется на разделении труда и обмене деятельностью. Важно, что в индустриальном обществе изменяется сам характер связей человека — вместо принципа сословной принадлежности общество структурируется по экономическому принципу. Это позволяет человеку опираться в своих действиях и развитии на собственные силы и осознавать, что ответственность за принятые решения приобретает характер не коллективной — как это было в традиционном обществе, — а индивидуальной. Человек обретает условия для индивидуального развития, для формирования собственной яркой и неповторимой личности, для выражения собственной позиции.

В исследовании выделены культурные тенденции, детерминированные социально; социальные тенденции, детерминированные культурно. Обобщенно и кратко они могут быть представлены следующим образом.

## **I. Культурные тенденции, детерминированные социально**

*1.1. Экономические и политические трансформации в период модернизации зачастую приводят к противоречиям, в том числе, к изменению духовного содержания общества.* Они обусловлены наличием взаимосвязанных, но различных, тенденций — имущественной и социальной поляризации общества, формирования класса новой буржуазии и резкого падения уровня жизни не приспособленной к жесткой рыночной конкуренции значительной части общества, сопровождающегося товарным изобилием, насыщением рынка и предметами первой необходимости, и предметами роскоши.

*1.2. Изменение аксиологической сферы обусловлено социальными преобразованиями в условиях рыночной экономики.* В работе обосновано, что в современных обществах их культурное содержание связано со спецификой экономического развития. В России развитие по законам либеральной экономики приводит к тому, что трудовая этика сама по себе перестает быть ценностью, зачастую девальвируются ценности коллективизма и нестяжательства. Такие характерные черты русского культурного архетипа, как пренебрежение к земным

благам, мессианиззм, коллективность, стремление к вечному поиску идеала и к постижению основ бытия, терпимость, в том числе, к иноверцам, стремление заботиться о благе ближнего, общества и Отчизны; восприятие материального благополучия как испытания и ответственности; порядочность в деловых отношениях сменились у значительной, возможно, преобладающей, части общества прагматизмом и расчетливостью.

Все это свидетельствует о повороте к ценностям западного общества, опирающегося на протестантскую этику, на установки философии позитивизма и прагматизма, на принципы инструментализма и операционализма, признающего в качестве базовых доминант целесообразность деятельности и тактику достижения успеха и признания и направленную на реализацию стратегий максимально полной адаптации к социальным условиям на повседневно-бытовом, а не возвышенно-духовном уровне. Этому вполне соответствуют и признаваемые в качестве универсальных ценности либерализма и демократии, которым не противоречит презентистская установка не на высших принципах, а на настоящем, требующем заботы и улучшения согласно принципу «мелиоризма».

*1.3. В исследовании показано, что в период модернизации формируются новые ценности — постэкономические, обусловленные новым социально-экономическим контекстом развития.* Они формируются в условиях, в которых новое поколение будет расти в ситуации экономической безопасности, в результате чего ценность материального благополучия, не утратив своего позитивного характера, перестанет быть столь значимой, как в недавнее время, и уступит место заботе о качестве жизни. Потребление при этом должно сместиться в сторону информации, что будет стимулировать генерацию новых знаний.

*1.4. Модернизация России началась в сфере экономики, развитие же культуры, не соответствовавшей на тот момент задачам индустриализации, подстраивалось под эти задачи и было направлено на преодоление неграмотности и формирование собственной технической интеллигенции, что стало программой «культурной революции».* В проекте обосновано, что в советском обществе задачи модернизации были, в основном, решены, но решены они были не за пятьсот лет, как на Западе, а за несколько десятилетий, в течение которых невозможно было создать тот мощный фундамент рационализма и перейти к доминированию типа личности, признающего свободу высшей ценностью и основанного на индивидуализме, который формировался в Европе, начиная с эпохи Возрождения. В большей степени готовность к проявлению личностного начала, основанного не на традиционализме, а на ценности свободы, была присуща интеллигенции, рабочему классу, в меньшей — крестьянству. При этом

самая инертная часть человеческого сознания, связанная с традицией, осталась в свернутом виде, преодоленная, но готовая к воспроизводству в новых условиях. Эти условия, как это ни парадоксально, были созданы ситуацией 1990-х годов, в период перехода страны к рыночной экономике и либеральной общественно-политической системе.

## **II. Социальные тенденции, детерминированные культурно.**

2.1. *Общественно-экономические изменения, обусловленные характером культуры.* Одним из существенных положений исследования является обоснование необходимости соблюдения ряда условий для осуществления модернизационных преобразований. Прежде всего, это положение о главенстве не технологий, а социальных отношений в развитии общества. То есть, необходимо не только изменение характера производства, но и, в первую очередь, трансформация самого общества, культуры и человека.

2.2. *В исследовании показано, что итоги «модернизации» российского образования как одной из наиболее важных сфер культуры согласно целям его адаптации к западным образцам и глобализации по-американски не всегда позитивны* — они оказывают существенное влияние на экономическое развитие страны и развитие социальных отношений. В результате некритичного заимствования у западных стран некоторых принципов образования усиливается ориентация на стандартизацию образования в ущерб развитию личностных способностей, что приводит к смещению ценностных ориентаций молодежи в сторону потребительского отношения к образованию и утилитаризации процесса получения знания. В исследовании доказывается, что реальные тенденции общественного развития в определенном смысле, вступают в противоречие с задачами формирования высокоиндивидуализированной личности, обладающей креативным потенциалом, и высокой культуры, основанной на идеалах добра и истины. Это связано с несколькими тенденциями: во-первых, со стремлением осуществить модернизацию только посредством «интеллектуальных технологий», предполагающих их освоение и развитие только получившими высшее образование; во-вторых, с сохранением и развитием тех тенденций массовизации, которые были устойчивым признаком массового индустриального общества, и в ситуации модернизации остаются по-прежнему доминирующими; в-третьих, с использованием новейших технологий не в области образования, а в индустрии развлечений; в-четвертых, с прочной связью специфики образования с той культурной средой, в границах которой оно сформировалось.

2.3. *Натурализация хозяйства в 1990-е годы привела к реконструкции архаических социальных отношений.* Проведение в 1990-е годы в России реформ в духе неолиберальной неоклассической парадигмы привело к результату, ко-

торый не вписывается в категорию «прогресса». Напротив, в те годы наблюдались тенденции, свидетельствующие о реконструкции общественных отношений, присущих традиционным обществам. Во-первых, они были связаны с натурализацией хозяйства и обращением к давно забытым садово-огородническим формам. Во-вторых, архаизация общества была связана с активной миграцией населения в поисках заработка в центр — в промышленные прежде районы страны и, прежде всего, в центральную Россию, — из регионов, занятых традиционно сельскохозяйственным производством.

При этом в промышленных районах давно установились и воспроизводились общественные отношения, присущие современному (модерному) обществу. Они характеризовались опорой на индивидуальные достижения и существенным ослаблением родственных связей, персональную ответственность, ориентацией на инновационные формы в самых разных сферах — от науки до проявлений социокультурной активности, в том числе, связанной с субкультурным развитием, активной устремленностью к новым достижениям по пути прогресса.

В регионах же с ориентацией в производстве на сельское хозяйство сохранялись и те отношения, которые характеризуют традиционные общества. Это сохранение тесных родовых связей, осознанное воспроизводство традиций как обладающих особой ценностью, особое доверие к прецедентным формам во всех областях — от политики и идеологии до форм жизнедеятельности, ориентация на общину при решении сложных вопросов, коллективность жизнеустройства и малая персональная проявленность индивида.

В исследовании был определен ряд задач, связанных с необходимостью реформирования общества. К числу таких актуальных задач в проекте отнесены следующие:

1. *Для модернизации необходимо укрепление нации*, соотносящейся, прежде всего, не с генетическим, природным или традиционным фактором, а с политическим. Политический фактор означает гражданство, объединяющее людей общностью правового поля, вне их зависимости от этнического происхождения. Национальная солидарность в противовес групповой, этнической или клановой солидарности является условием развития эффективной экономики и политических институтов гражданского общества. В отличие от традиционной культуры, овладение кодами которой осуществляется автоматически в процессе жизнедеятельности, приобщение к ценностям национальной культуры, средоточием которой являются музеи, библиотеки, университеты, театры, возможно только в процессе образования. Прерогатива поддержания образовательной системы принадлежит исключительно государству, которое через образование

наделяет властными полномочиями своих граждан. Как отмечает Э. Геллнер, у основания современного социального строя стоит «не палач, а профессор», а основным инструментом и символом современной государственной власти является «не гильотина, а государственная докторская степень» (Геллнер, 1991: 92–94). Образование как овладение системой рационального знания выступает в качестве условия формирования исторического мышления, связанного с восприятием истории как движения человечества по пути разума, а науки — как неограниченной в своих возможностях преобразования общества.

2. *Необходимо преодоление архаизации общественных отношений.* В исследовании осмыслены основные тенденции процессов модернизации — это «осовременивание» общества, отказ от стратегий, основанных на традиционности. Именно традиционности и противостоит модернизация, направленная на преодоление социальных взаимодействий, исходящих не из рационального осмысления их эффективности, а из необходимости копирования предыдущего опыта, репродуцирования духовных ценностей, идей, определенных общественных установлений, обрядов, норм поведения, а также самих способов социального наследования. Доказано, что модернизация России, несмотря на целенаправленное индустриальное строительство, начавшееся в 1930-е годы, была в значительной степени ответом на вызов стран, ее окружающих, — политически не дружественных, но технологически более развитых.

3. *Для осуществления модернизации в России необходимо укрепление национально-культурной идентичности,* призванной формировать ту общую систему представлений, которая складывается в границах национальной истории и воплощается в национальной символике и мифологии. Целое национального государства складывается из межклассовой коммуникации, из распространения национальных мифов, из доминирования общенациональных социокультурных стандартов. Главная функция государства состоит в формировании не только понятной, правдивой и проективной идеологии, но и в создании тех каналов коммуникации, по которым циркулирует социально значимая для общества в целом информация (в том числе, информация о том, что Пушкин — это «наше все», а первый спутник был запущен нашим государством). Доказывается, что поскольку национальные культуры обладают достаточно универсальными информационными и символическими составляющими, они имеют возможность легче находить то общее пространство и те общие смыслы, которые позволяют осуществлять коммуникацию между собой всем группам — в том числе, этническим и религиозным. Институты национальной культуры имеют способность обеспечивать интеграцию своих граждан и обеспечивать их лояльность через формирование определенной политики в области языка, через ин-

ституты образования и воспитания, через создание и поддержание форм массовых ритуалов и символов, через контроль над средствами массовой коммуникации. Распространение государством высокой специализированной культуры от центра к тем локалиям, которые только включаются в процесс вхождения в нацию, является наиболее универсальным способом создания национального единства. В работе обосновывается, что «диалоговые» качества национальной культуры связаны с ее соответствием современному этапу социально-экономического развития, а именно, этапу формирования основ индустриального общества, что соответствует XVIII веку. Эти изменения были обусловлены качественными сдвигами индустриальной экономики и торгово-промышленных отношений, ростом просвещения и развитием институтов гражданского общества (Smith, 1986: 129–138, 141, 149–150), секуляризацией общественной жизни, воздействием «печатного капитализма» и распространением грамотности (Anderson, 1983: 14–48), развитием коммуникаций в пределах этнокультурных ареалов (Deutsch, 1979: 13–30), разрушением сословной дифференциации общества и доминированием общенациональных социокультурных стандартов (Хелд, Гольдблатт, Макгрю, Перратон, 2004: 397–398). Конечно, эти изменения нельзя рассматривать как исключительно естественные — государство осознанно формировало ту общность, которая может быть присуща нации. Эти изменения — в свою очередь — связаны с образованием, способным формировать пространство общих идей и национальных символов.

*4. В связи с этим в монографии доказывается, что в модернизирующейся России необходима ориентация на собственный культурный код, на собственную историю, на матрицы развития, выработанные в рамках русской культуры.*

*В исследовании делается вывод о культурной опосредованности и самих исследовательских моделей и концепций. Отчасти это связано и с концепцией модернизации. В исследовании показана обусловленность актуализации идеи модернизации теми явлениями в социокультурной сфере 1990–2000-х годов, которые свидетельствовали о разрушении индустриального базиса общественного развития и архаизации общественных отношений. Это и стало основанием для реактивации идеи модернизации и стремлением теоретически обосновать необходимость развития общества в соответствии с модернизационной моделью. Однако социокультурная ситуация 2014 г., связанная с целым рядом новых политических и экономических обстоятельств, требует внесения ряда корректив, соответствующих данному тезису и дополняющих его. Присоединение Крыма к России, война в Украине, антироссийские санкции со стороны стран Запада означают вступление не только России, но и всего мира в новую стадию*

развития, достаточно драматичную, которая требует, возможно, и дополняющих теоретических концепций. В любом случае, сейчас очевидно, что поиск новых социально-политических моделей — по крайней мере, в рамках экономической теории, — дело сегодняшнего дня.

### *СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ*

Воскобойников, А. Э. (2006) Монолог о диалоге и понимании // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 22–27.

Геллнер, Э. (1991) Нации и национализм / пер. с англ. ; ред. и послесл. И. И. Крупника. М. : Прогресс. 320 с.

Диалог организационных культур в создании общеевропейского пространства высшего образования (2010) : Реализация принципов Болонского процесса в международных образовательных программах с участием России : моногр. / С. В. Луков (рук.), Б. Н. Гайдин, В. А. Гневашева и др. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та. 260 с.

Ильинский, И. М. (1999) О «культуре» войны и Культуре мира. М. : Ин-т молодежи. 123 с.

Ильинский, И. М. (2011) Прошлое в Настоящем // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 3–8.

Интеллигенция в диалоге культур (2007) : сб. статей по материалам VIII междунар. науч.-методол. конф. 5 апр. 2007 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т. М. 509 с.

Костина, А. В. (2010) Россия как полиэтничное государство: особенности и проблемы современного развития // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 107–116.

Костина, А. В. (2011) Диалог в современном мире: условия и возможности осуществления // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 9–20.

Костина, А. В. (2013) Международная научная конференция «Современное состояние культуры и общества: особенности и перспективы развития России // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 324–327.

Костина, А. В., Кожаринова, А. Р. (2014) Актуальные проблемы современной культуры // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 390–394.

Культура в процессах развития современной России: особенности и перспективы (2014) : сб. науч. статей / отв. ред. А. В. Костина. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та. 208 с.

Культура как фактор модернизации России (2014) : кол. моногр. / отв. ред. А. В. Костина. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та. 270 с.

Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2007) Россия и Европа: диалог культур во взаимном отражении литератур // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 124–131.



Новейший философский словарь (1998) / сост. А. А. Грицанов. Мн. : Изд. В. М. Скакун. 896 с.

Современное состояние культуры и общества: особенности и перспективы развития России (2013) : сб. науч. статей / отв. ред. А. В. Костина. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 364 с.

Тишков, В. А. (2003) Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука. 544 с.

Федотова, Н. Н. (2011) Конфликты, идентичность и диалог // Знание. Понимание. Умение. №3. С. 27–34.

Философский энциклопедический словарь (1983) / гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М. : Сов. Энциклопедия. 840 с.

Хелд, Д., Гольдблатт, Д., Макгрю, Э, Перратон, Д. (2004) Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / пер. с англ. М. : Праксис. 576 с.

Хорина, Г. П. (2013) Власть, политика, нравственность: проблема взаимодействия // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 49–56.

Anderson, B. (1983) *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism.* London : Verso. 160 p.

Deutsch, K. W. (1979) *Tides among Nations.* N. Y. : Free Press. viii, 342 p.

Kaplan, B. J. (2007) *Divided by Faith: Religious Conflict and the Practice of Toleration in Early Modern Europe.* London : Belknap Press. 432 p.

Smith, A. D. (1986) *The Ethnic Origins of Nations.* Oxford ; N. Y. : Basil Blackwell. 312 p.

Zagorin, P. (2005) *How the Idea of Religious Toleration Came to the West.* Princeton, NJ : Princeton University Press. 392 p.

*Костина Анна Владимировна* — доктор философских наук, доктор культурологии, декан факультета культуры и искусства, заведующий кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-61-81. Эл. адрес: [anna\\_kostina@inbox.ru](mailto:anna_kostina@inbox.ru)

*Kostina Anna Vladimirovna*, Doctor of Philosophy and Culturology, Professor, Dean, Faculty of Culture and Arts; Head, Department of Philosophy, Culturology and Politology, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5 Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-61-81. E-mail: [anna\\_kostina@inbox.ru](mailto:anna_kostina@inbox.ru)

## СО Д Е Р Ж А Н И Е

### *СОЦИОЛОГИЯ*

*Луков Вал. А.*

**Научная школа Московского гуманитарного университета  
по социологическим наукам: концепции и исследования молодежи** 5

### *ФИЛОЛОГИЯ*

*Григорьева И. А., Ясинская М. Б.*

**Топика романа Гюнтера Грасса «Жестяной барабан»** 23

### *КУЛЬТУРОЛОГИЯ*

*Кожаринова А. Р.*

**Анализ социального потенциала современной массовой культуры** 31

*Гайдин Б. Н.*

**Шекспиризация в современном кинематографе** 44

*Костина А. В.*

**Культура как фактор модернизации России: некоторые итоги  
исследования** 72

Правила представления рукописей авторами и требования к оформлению представлены на официальном сайте:

[http://www.mosgu.ru/nauchnaya/nauch\\_trudy/](http://www.mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/)

На сайте также представлены содержание всех выпусков/номеров и полный список публикаций в журнале «Научные труды Московского гуманитарного университета».

**Н34 Научные труды Московского гуманитарного университета.**  
№ 10 / гл. ред. Вал. А. Луков. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-  
та, 2014. — 84 с.  
ISSN 2307-5937

Контактная информация редакции журнала размещена на  
официальном сайте: [http://www.mosgu.ru/nauchnaya/nauch\\_trudy/](http://www.mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/)

Подписано в печать 15.09.2014. Объем 5,25 п. л. Тир. 500 экз.  
Издательство Московского гуманитарного университета  
111395, Москва, ул. Юности 5